

18+

БЛИЗКАЯ ДАЛЬ

книга 2-я

Татьяна Катушонок

Татьяна Катушонок

Близкая даль. Книга 2-я

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44072616

ISBN 9785005005601

Аннотация

События происходят в деревне, в 1940–1941 годах. Накануне войны активизируются мистические силы, и герои романа сталкиваются с необычными феноменами. Дружба, любовь, в том числе к Родине, чувство патриотизма – проходят через всё произведение, а мистические истории заставляют задуматься, что в жизни не все так просто, как кажется на первый взгляд. Многие истории, описанные в книге, имели место в реальной жизни, происходили с автором, его родными и близкими. Входит в одноименную полную версию.

Содержание

ГЛАВА 49	5
ГЛАВА 50	17
ГЛАВА 51	25
ГЛАВА 52	58
ГЛАВА 53	74
ГЛАВА 54	94
ГЛАВА 55	110
ГЛАВА 56	115
ГЛАВА 57	125
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Близкая даль

Книга 2-я

Татьяна Катушонок

© Татьяна Катушонок, 2025

ISBN 978-5-0050-0560-1 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-0559-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На обложке – фото реки Ушача из личного архива автора.

Авторские права © 2017 Татьяна Катушонок

Все права зарегистрированы.

Мистический роман.

В 2-х книгах.

Книга 2-я.

ГЛАВА 49

ВЕСТЬ О ТЯЖЕЛОЙ БОЛЕЗНИ Дубова и Бортникова разнеслась по округе. Ее распространению способствовал Василий, поведавший землякам, что пришлось пережить во время поездки в райцентр. Затянувшаяся болезнь руководителя колхоза придавала рассказам старика драматизм и таинственность. Особый интерес к байкам конюха проявляла детвора, раскрыв рот слушавшая рассказы мужчины о снежной буре, смерче и лесном человеке, наделенным неведомой силой. Не оставила равнодушными весть и старшекласники, искренне переживавших за земляков.

– Слышали, что случилось? – карабкаясь на снежную горку и волоча за собой громоздкие санки, спросила у подруг Фаина. – Говорят – неизвестно, выживет председатель или нет... Как подумаю, чего мужики натерпелись – прямо мурашки по телу бегут. А о лешем слышали? Я думала – это сказки, оказывается, он на самом деле есть...

– Брр... – съежилась Коржакова. – Я, наверное, дар речи потеряла бы, если б с чем-нибудь подобным встретилась.

Тамара быстро взобралась на горку, протянула однокласснице руку и помогла затащить санки.

– От кого ты об этом узнала? – поинтересовалась девушка.

– От Зинаиды.

Коржакова недовольно глянула на внучку знахарки

и с укором произнесла:

– С Файкой поделилась новостью, а со мной – нет? Тоже мне – подруга... Если б не бабушка – я бы до сих пор в неведении пребывала...

Зинаида пропустила упрек девушки мимо ушей, присела на корточки и, оттолкнувшись руками от горки, соскользнула вниз по ее гладкой ледяной поверхности. Фаина посмотрела соседке вслед, развернула санки и, крикнув Коржаковой «Толкни!», стремглав покатила вниз. Не успела девушка выбраться из саней, как на нее кубарем налетела Тамара, а вслед за ней Анастасия. Стригунок с друзьями стояли на мосту и с завистью наблюдали, с каким азартом одноклассницы катаются с горки.

– Вот дают!.. – не сводя с девчат глаз, покачал головой Юрка.

– Айда к ним! Покажем, как надо кататься... – предложил Рыжик.

– Это идея, – поддержал друзей Колька.

В этот момент до слуха парней донесся скрип снега, они обернулись и увидели приближающегося к мосту Константина. Парень махнул одноклассникам рукой и, улыбаясь, крикнул:

– Привет! Кого высматриваете?

– Никого... – слукавил Юрка и искоса глянул на друзей, пытаясь понять, намерены ли парни открывать однокласснику свои планы.

– Чего стоите – реки не видели? – ухмыльнулся Николайчук.

Седельский оперся спиной о заснеженные поручни моста и, кивнув головой в сторону ледяной горки, ответил:

– Решили покататься... Ты с нами или как?

– С вами, только ведь опять улизнете, а с девчонками соревноваться мне не с руки...

– Куда это мы улизнем? И потом – кататься на горке никому не запрещено...

– Тогда – пошли!

– А как же подготовка к экзаменам?

– Куда она денется? Отдохнуть – тоже полезно. Ну так что – идем? – глянул на друзей Константин.

Парни спустились с моста к реке и пошли к горке.

Первой приближающихся одноклассников заметила Тамара, девушка насупилась и, стряхнув с пальто комья налипшего снега, недовольно буркнула:

– Только их не хватало...

Фаина прекратила бросать снежки в подруг и спросила:

– Ты о ком?

– О ком, о ком – о неразлучной троице! – кивнула в сторону одноклассников Коржакова.

Фаина оглянулась и увидела парней. Девушка сняла мокрую от снега шапку и махнула ею одноклассникам.

– Юрка, где твой пес? – крикнула девушка. – Обещал покатать...

Мальчишки с удивлением посмотрели на Стригунка.

– А ты – молодец, время зря не теряешь, с девчонками за нашей спиной сговорился... – съязвил Рыжик.

Юрка покраснел как красная девица и попытался оправдаться:

– Не слушайте ее, ничего я им не обещал...

Но Фаина не унималась, девушка предвкушала, как будет нестись в санях по гладкому прозрачному словно стекло льду, а потому снова крикнула:

– Юрка, веди Волчка!

Константин посмотрел на одноклассника и произнес:

– Если обещал – выполняй.

– Не слушайте ее, ничего я не обещал, – смутившись, ответил Стригунок.

Все это время Седельский внимательно наблюдал за другом, поведение Юрки показалось ему странным. «Что-то он темнит...» – подумал парень, а вслух произнес:

– Костька прав, если обещал – выполняй, иначе подумают, что на нас нельзя положиться...

– Ну их!!! – рассердился Стригунок. – Увидели вчера, как я на Волчке по реке катался, вот и напросились... Стал бы я сам предлагать...

– А почему ты так говоришь, что здесь такого?.. – пожал плечами Константин. – Подумаешь, девчата попросили покатать... Что в этом зазорного? Странный ты... У меня, например, собаки нет, не то бы я сам их покатал...

Парень замолчал и представил, как он бережно берет под локоть Анастасию, подводит к собачьей упряжке, аккуратно усаживает ее в сани и они мчатся по заснеженному льду реки в неоглядную даль...

– Глупый ты, Юрка, я б на твоём месте мигом сбегал за Волчком, – опомнившись, произнес Константин.

– Мой пес – не конь, чтоб на нём катать кого ни попадя... – недовольно буркнул Стригунок.

– А кто тебя просит катать все село? – ухмыльнулся Рыжик.

В этот момент к парням, запыхавшись, подбежала Фаина и, смеясь, произнесла:

– Веди Волчка, Роза за большими санями побежала – будет дело!!!

Азарт и веселье девушки передались парням, Николай глянул на Юрку и решительно произнес:

– Действительно, Юрка, сбегай!

Стригунок насупился.

– Я пойду домой, а вы уйдете...

– Никуда мы без тебя не уйдем, давай, одна нога – здесь, другая – там...

– Ладно, схожу, – сдался Юрка, – только, чур, чтоб катались только девчонки, мне Волчка для службы в армии беречь надо...

– Да в курсе мы, в курсе... – махнул рукой Рыжик. – Веди пса, не бойся, не загоняем...

– Смотрите – обещали...

– Заметано! – заверил Виктор.

Стригунок с обидой глянул на парней и нехотя побрел домой.

«Тоже мне – друзья... – удаляясь от компании, подумал мальчишка. – Из-за девчонок заставили меня бежать домой, а как я вырвусь на улицу – никого не интересует. Ну, подождите – попросите вы меня о чем-нибудь...» Юрка оглянулся и увидел, что Седельский взобрался на ледяную горку, разбежался, вскочил ногами на гладкий, словно зеркало, лед и, балансируя в воздухе руками, съехал вниз. «Циркач... – ухмыльнулся Стригунок. – Это он перед девчонками выпендривается... Ничего, сейчас мы с Волчком покажем вам класс...» Юрка ускорил шаг и вскоре оказался в своем переулке. В душе у парня все кипело. «Колька сейчас, наверняка, за Томкой ударяет, а Костька и Рыжик Настьку опекают... Зачем я им нужен? Верь после этого в дружбу. Пока женщина между мужчинами не встала, они – друзья, а как только появится у них одна и та же пассия – все, конец дружбе, потому я и не люблю женщин, мужикам от них одни неприятности». Мысли парня прервал звонкий лай Волчка. «Учуял... – улыбнулся парень. – Вот кто настоящий друг, этот не предаст...» Юрка вошел во двор дома, подошел к собачьей будке и, потрепав пса по холке, направился в сарай за упряжью. Волчок, скуля, проводил хозяина взглядом и, подняв голову, заливисто залаял.

– Сейчас! Упряжь возьму... – крикнул Юрка.

– Куда это ты собрался? – выйдя во двор, поинтересовалась мать. – Целый день голодный бегаешь, а ну – марш домой, посинел весь...

Меньше всего Юрка хотел встретиться с матерью.

– И вовсе я не синий... – промямлил парень. – Просто у меня кожа тонкая...

– Кожа у него, видите ли, тонкая, а какая она у тебя должна быть – как подошва на сапогах?

Парень насупился. «Вот ведь, прицепилась... – подумал мальчишка. – Чувствовал, что если увидит – из дома не выпустит».

– Зачем ты собачью упряжь взял? – поинтересовалась женщина.

Юрка исподлобья глянул на мать и без настроения ответил:

– Волчку лапы размять надо, сидит целый день на цепи – того и гляди форму потеряет...

– Ишь, какой жалостливый... Себя пожалей, с утра голодный бегаешь. Ступай, поешь, потом выйдешь.

Женщина подошла к сыну и, выхватив у него из рук упряжь, бросила ее в дальний угол сарая. Пес понял, что прогулка отменяется, и тоскливо заскулил.

– Я не хочу есть, – огрызнулся Юрка.

Женщина подошла к сыну, взяла его за руку и потащила в дом.

– Поешь, потом хоть до утра гуляй.

Юрка недоверчиво глянул на мать и для пущей уверенности уточнил:

– Точно?

– Сказала же... Вытянулся, как жердь, люди думают, что я тебя не кормлю...

Парень повеселел, взял еловый веник, обмел налипший на валенках снег и вошел в дом. Скинув в коридоре пальто и шапку, юноша стремительно прошел в комнату и направился к печке, где за железной заслонкой его дожидался сытный ужин. Оконце на стене у печки было маленькое, стекло снаружи запорошено снегом. День клонился к вечеру, и Юрий не заметил, как на что-то наткнулся...

– Что ты здесь поставила?.. – ударившись ногой о стоявшее на полу деревянное корыто, в сердцах произнес Юрка. – Не хватало еще нос разбить...

Парень нагнулся, нащупал в полумраке корыто, поднатужился, поднял его и поставил на лавку у окна. Слабый луч закатного солнца пробился сквозь заснеженное стекло, и перед глазами парня предстало леденящее душу зрелище: на дне корыта в луже багряно-черной крови лежала баранья голова. Глаза мертвого животного были открыты, в уголках их застыли слезы, а взгляд выражал такую безысходную печаль и обреченность, что парень в ужасе отпрянул.

– А!!! – вскрикнул Юрка.

– Ты чего? – удивилась мать. – Овечьей головы не видел?

Юрка не мог прийти в себя, он получил такой стресс, что едва не лишился дара речи. Слезы невольно выступили на глазах парня, он с трудом сделал вдох и, указав рукой на корыто, дрожащим голосом произнес:

– Что это?..

– Твой любимый баран – зарезали к твоему дню рождения, хотели подарок тебе сделать. Часть мяса я уже отварила, а из остального не решила, что сделаю... Ты, я смотрю, не рад?

Парня настолько потрясли слова матери, что он не знал, что ответить... Он с трудом заставил себя еще раз посмотреть в сторону стоявшего под окном корыта и, глотая слезы, произнес:

– Да как вам такое в голову могло прийти? Моего любимого барана зарезали...

Женщина в растерянности смотрела на сына и не могла взять в толк, что на него нашло.

– Ты что – расстроился?.. Мы для тебя старались, спешили закончить все до твоего прихода...

Юрка, заливаясь слезами, бросил взгляд на лежавшую в деревянном корыте голову барана и, встретившись с его безжизненным застывшим взглядом, во весь голос зарыдал. Душа парня разрывалась от боли, он не мог представить, что его четвероногого друга нет в живых. «Гриня, прости!!! Прости, что не защитил тебя, я даже дома не был... Ты ждал меня, надеялся, что я тебя спасу... Прости, не слышал я крика

твоей души, не пришел тебе на помощь...» – рыдал парень.

Наталья не ожидала такой реакции сына, она была потрясена его отчаяньем и не знала, как утешить парня.

– Сынок, что ты так расстроился? Мы с отцом хотели, как лучше... – взволнованно произнесла женщина.

Юрка в бессилии сел на лавку и в отчаянье прокричал:

– Зачем вы его убили?.. Какой мне теперь день рождения? Я ничего не хочу, я видеть вас не желаю!!!

Сердце женщины будто проткнули каленой иглой.

– Сынок, зачем ты так? – склоняясь над сыном и пытаясь погладить его по взъерошенным волосам, произнесла Наталья. – Все пройдет, не плачь – слышишь? Мы с отцом хотели сделать тебе подарок – побаловать тебя мясом. Летом все никак не получалось – тепло, такое количество мяса переработать было сложно. А сейчас зима, вот мы и подумали, что самое время свежим мяском побаловаться, да и Новый год на носу. Думали – отпразднуем, как положено, все-таки тебе пятнадцать исполнится...

Юрка враждебно глянул на мать и, всхлипнув, произнес:

– Вы думали... А у меня спросить забыли? Что мне оттого, что мне уже пятнадцать, если вы с отцом по-прежнему считаете меня маленьким? Захотели мяса – зарезали моего любимого барана, подумаешь – овца, не жалко...

Слова сына до глубины души ранили женщину, она услышала в его голосе такую несказанную боль и отчаянье, что ей стало не по себе. «Что мы наделали? – похолодела Наталья. –

Мы сына своего чуть не потеряли...»

– Юра, сынок, – взмолилась женщина, – прости, не думали мы, что причиним тебе боль... Бог с ним, с этим бараном... Хочешь – пойду и отдам мясо соседям, пусть едят и Гриню нашего поминают. Иди ко мне, сынок, я тебя приласкаю...

Женщина прислонила голову сына к своей груди и тихо заплакала:

– В кого ты у нас такой жалостливый? Всех тебе жаль... Курицу – не заруби, теленка – не зарежь, барана – не тронь... Как нам жить, есть ведь что-то надо?.. Отец в колхозе с утра до ночи работает, ему хорошо питаться надо – иначе какой из него работник?

– Зачем Гриню зарезали? – гневно глянул на мать Юрка. – Он любил меня, доверял мне, слушался, как собака, а вы его ножом по горлу... Он ведь наверняка даже не сопротивлялся...

– Да, – кивнула женщина, – лежал на соломе и смотрел на нас, я не выдержала и ушла, отец сам все сделал...

Юрка не мог больше этого слышать, он вырвался из объятий матери, бросил взгляд на лежавшую в корыте баранью голову, увидел слезы, застывшие в черных, блестящих, словно пуговицы, глазах и пулей выскочил на улицу.

– Сынок, куда ты? Поешь... – в растерянности произнесла Наталья.

– Сами ешьте, я не притронусь к мясу, слышите?! – с болью в сердце крикнул Юрка.

– Куда ты?.. – обмякнув, тихо произнесла женщина и, бессильно опустив руки, села на лавку рядом с корытом.

ГЛАВА 50

ЮРКА БЕЖАЛ, СЛОВНО обезумевший, не замечая ни мороза, ни дувшего в лицо ледяного ветра, забыв о том, что дома на вешалке остались зимнее пальто и шапка. Спотыкаясь об ухабы деревенской дороги, он падал, вставал, снова бежал неведомо куда. Из-за цепящего холода острота его потрясения немного угасла, и вскоре юноша заметил, что оказался под мостом. «Как я здесь очутился? – удивился Стригунок. – Как выбежал из дома – помню, как добежал до школы – тоже, а как очутился на льду реки – нет». В этот момент до его слуха донесся звонкий смех детей, катавшихся на горке, и какое-то странное «хаканье». Не успел Юрка сообразить, что это за странный звук, как кто-то с силой толкнул его в спину. От резкого толчка парень поскользнулся и упал, ударившись лицом о гладкий, словно стекло, лед. Когда, опешив, он приподнял голову, то увидел рядом Волчка. Пес радостно вилял хвостом и норовил лизнуть хозяина в лицо.

– Отстань! – пытаюсь увернуться от собачьих ласк, сердито крикнул Стригунок. – Откуда ты взялся?..

Но пес не обращал внимания на крик парня и продолжал одарять его собачьими ласками.

– Фу, какой вонючий и мокрый... – брезгливо отстранил от себя любимца Юрка. – Опять сорвался? Что делать – ни

одна веревка не выдерживает... Чего радуешься – нашел? Ладно, хороший пес, только не надо меня лизать, облизывал всего...

Пес смотрел на хозяина глазами, полными любви, и, казалось, ловил каждое его слово. Юрка пришел в себя, погладил Волчка, поднялся, отряхнул с одежды налипший снег и почувствовал, что продрог. Домой парню возвращаться не хотелось, и он, понутив голову, побрел к горке. Пройдя метров пятьдесят, Стригунок ощутил, что река под ногами будто вздохнула. Парень насторожился, прислушался, но ничего опасного в этом не усмотрел. Волчок перегородил ему дорогу и грозно зарычал.

– Чего рычишь? – нахмурился парень.

Волчок поднял голову и громко залаял.

– Здравствуйте!.. – сердито буркнул юноша. – Уселся, а ну – марш с дороги!

Но пес не слушался, он лег поперек дороги и не давал мальчишке пройти вперед.

– Не донимай, без тебя хватает... – рассердился юноша и хотел обойти собаку, но Волчок угрожающе зарычал.

– Ты что – очумел? – оstonбел парень. – Ты на кого рычишь? Пошел отсюда!!!

Но пес не реагировал. В этот момент с горки на лед съехали большие чугунные сани. Подскочив на высоком трамплине, они с силой ударили о лед реки и, прокатившись метров пятнадцать, остановились. Из саней, визжа от восторга,

выпрыгнули девочки. Увидев Стригунка, подруги радостно запрыгали и стали махать издали руками.

– Юрка, давай к нам!!! – озорно зазывали девушки.

Не успели они договорить, как с горки съехали очередные сани с ездоком и, не доехав до подруг, неуклюже завалились набок.

– Витька, болван, чуть не зашиб!.. – едва успев отскочить в сторону, с раздражением прокричала Коржакова. – Подождать не мог? Смотри, куда едешь...

– А вы не стойте на дороге, – огрызнулся Рыжик, – тоже мне – принцессы, объезжай их... Вон Файка катается на ногах и никому не мешает...

В этот момент над рекой пронесся странный гул, а вслед за ним – глухой треск. Из-за шума и гама детворы трудно было определить, откуда он исходит. Юрка насторожился, внимательно глянул на пса и подумал: «Почему он так странно себя ведет, может, чувствует что?» В этот момент парень отчетливо ощутил мощный толчок под ногами, будто река пыталась вырваться наружу из-под сковывавшего ее ледяного панциря. Поняв, в чем дело, Стригунок метнулся к берегу и, размахивая руками, закричал:

– Уходите, уходите со льда!!!

Однако детвора продолжала беспечно кувиркаться на льду, не обращая внимания на предупреждение юноши. Стригунок догадался, что его не понимают, и в тревоге глянул на реку. К своему ужасу, он заметил, что у опор моста

на льду образовалась глубокая трещина, на его глазах она стала стремительно удлиняться, разрезая толстый ледяной панцирь Болотянки, словно клинком. Юрка испугался и что было сил закричал:

– Спасайтесь!!!

Рыжик услышал голос друга, оглянулся и, не поняв причины его переполоха, крикнул:

– Что?!

Стригунок остановился, отдышался и, указывая рукой в сторону моста, еще громче крикнул:

– Трещина во льду – уходите!!!

Виктор блуждающим взглядом скользнул по зеркальной поверхности реки и с ужасом заметил, что у опор моста ледяной панцирь Болотянки рассекло надвое. На глазах у парня трещина с молниеносной скоростью стала распространяться в сторону игравших на льду детей, еще миг – и она расширилась, выпустив на поверхность льда потоки ледяной воды...

– К берегу, быстро к берегу!!! – закричал парень и побежал к катавшимся на льду одноклассникам.

Первой на предостерегающий крик Виктора отреагировала Анастасия – девушка на скорости развернула санки, в которых катала брата и сестренку и, глянув на парня, спросила:

– Рыжик, ты чего?..

В этот момент Настя увидела, что с горки вниз, в направлении реки, бегут Константин и Николай. Парни размахивали руками и, указывая в сторону моста, кричали:

– Спасайтесь, лед треснул!!!

Девушка осмотрелась и заметила невдалеке воду на поверхности льда.

– Девчонки – вода!!! – испугавшись, крикнула Анастасия, но из-за громкого смеха и визга детворы, катавшейся на льду, ее никто не слышал.

Одноклассницы продолжали сражаться в снежки, не замечая ничего вокруг. Анастасия бросила испуганный взгляд на Тамару и увидела, что девушка увернулась от брошенного в нее снежка, наклонилась, схватила снег, слепила большой шар и запустила им в Зинаиду.

– Девчонки, лед треснул!!! – в отчаяние прокричала Анастасия, пытаясь предупредить подруг, но одноклассницы не реагировали...

Тамара в беспечности лепила снежки и бросала их в подруг. Видя, что девчата ее не слышат, Анастасия подбежала к Тамаре и толкнула ее в плечо, Коржакова в недоумении посмотрела на подругу и заметила воду на льду реки. Девушка перепугалась и закричала: «Полундра!!!» Выронив снежок, Тамара схватила санки и побежала к берегу. Паника передалась остальным, и в считанные секунды детвора покинула лед. Едва нога Виктора оторвалась ото льда, как прозрачный панцирь реки лопнул и раскрошился на мелкие кусочки.

– Едва успел... – отдышавшись, пробормотал парень. – Если бы замешкался – угодил под воду...

– Не говори, – в потрясении глядя на раскрошившийся

панцирь реки, произнесла Фая, – как подумаю, чем это могло закончиться, прямо мурашки по спине бегут...

– Молодец Юрка, – произнес Рыжик, – если б не он, не знаю, где б мы сейчас были. Кстати, где он?

– Кто? – поинтересовалась Фаина.

– Юрка...

– Вон он! И пес с ним...

– Спасибо, друг! – крикнул Рыжик и махнул Юрке рукой.

– Что?! – не расслышал Стригунок.

– Спасибо, говорю!

– А... Это не я, это Волчок, – прокричал в ответ парень.

Вскоре Юрка стоял, окруженный благодарной детворой, которая смотрела на него, как на героя.

– Ребята, качай его! – крикнула Зинаида, и тут же десятки детских рук потянулись к парню, подхватили его и стали подбрасывать вверх.

Стригунок растерялся и стал отбиваться:

– Прекратите, это не я...

Восторженная детвора поставила своего спасителя на землю, и Виктор Рыжаков уточнил:

– Так это пес твой нас спас?

Юрка, коченея от холода, кивнул головой.

– Да ну, – не поверил Рыжик.

– Он... – дрожа от холода, подтвердил Стригунок.

– Как это? – удивилась Зинаида.

– Он предупредил меня, а я – вас.

– Да ну... – не поверил Виктор. – Опять заслуги своего пса преувеличиваешь...

– Нет, – стуча зубами от холода, ответил Стригунок. – Это Волчок предупредил меня об опасности, не то б я угодил под лед...

Анастасия пришла в себя от потрясения и в недоумении посмотрела на одноклассника.

– А где твоё пальто и шапка? – удивилась девушка.

– Дома оставил...

– Зачем?

– Может, мне так удобней...

– А с глазами у тебя что?

– Ветром надуло... – огрызнулся парень и отвёл взгляд, но Настя успела заметить, что веки парня опухли от слез.

Девушка поняла, что Юрка не хочет говорить правду, и догадалась, что дома у него что-то произошло.

– Пойдемте к нам! – предложила девушка.

– Что мы там забыли? – ухмыльнулся Рыжик.

– Погреемся...

Юрка с благодарностью глянул на Анастасию.

– Здорово!!! – обрадовалась Зинаида. – Давайте дома поиграем во что-нибудь...

– Во что? – поинтересовался Рыжик.

– В дергача, – предложила девушка, – выберем водилу и айда к Устиненко!

– Точно, давайте поиграем в дергача! – обрадовалась Кор-

жакова. – Предлагаю избрать водилой Костьку.

Ребята переглянулись и во все глаза уставились на парня, который не ожидал такого поворота дел.

– Согласны?.. – улыбнулась Зинаида.

– Согласны, – кивнула Фаина.

Ребята взяли санки и в приподнятом настроении стали подниматься на горку.

ГЛАВА 51

ПЕЛАГЕЯ ТКАЛА на деревянном станке половик, когда в избу с шумом вбежала детвора.

– Мать честная! – всплеснула руками женщина. – Наверное, замерзли. Заходите, раздевайтесь, сейчас я вас чайком напою.

– Нам бы перекусить что-нибудь... – сняв валенки, попросила Анастасия.

– Сейчас организую, – засуетилась хозяйка. – Картошка в печи горячая, щи с курятиной – будете?

– Будем, мамочка, будем, и если можно – со сметаной, – стягивая с ног мокрые валенки, заявил Павлик.

– Проходите к столу, садитесь...

Входная дверь дома хлопнула, в коридоре послышались неторопливые шаги, и в комнату с глиняным жбаном в руках вошла баба Дуня.

– Мир вашему дому, соседка! О-о... сколько у тебя гостей... Я тут грибков соленых принесла...

– Спасибо! – поблагодарила хозяйка. – А то у меня в печи только вареная картошка со щами да жареное сало. Теленка ведь мы все никак не нарежем...

Стригунка от ее слов передернуло, парень вспомнил родительский дом и мертвую баранью голову в деревянном корыте.

– Что так? – поинтересовалась баба Дуня.

– Все что-то мешает... – вынимая из печи чугунный котел со щами, ответила Пелагея. – То я в колхозе занята, то Степана дома нет...

– В жизни завсегда так, – кивнула старуха, – стоит только что задумать – сразу что-то мешает, не дремлет лукавый, так и норовит навредить.

– Ты это о ком? – поинтересовалась хозяйка.

– Как о ком? О враге рода человеческого... – поставив на стол глиняный жбан, заявила старуха. – Вот я, к примеру, как только задумаю что сделать, так обязательно или кто придет, или Тамара отвлечет, а то просто возьму да забуду...

Тамара недовольно глянула на опекуншу и задиристо заявила:

– Бабуля, кончай свою религиозную пропаганду, здесь пионеры и будущие комсомольцы – нечего ерунду молотить.

– Это кто ерунду мелет – я? – обиделась старуха. – Я, дорогая внученька, слов на ветер не бросаю, ты еще шибко молода, чтоб бабке перечить, я на своем веку столько повидала, что вам и не снилось!

Фаину заинтриговали слова женщины, она подбежала к старухе, взяла ее под локоток и, указывая рукой на сундук у печки, вежливо произнесла:

– Присаживайтесь, может, вы нам что-нибудь расскажете...

Ребята переглянулись, а Костик почтительно произнес:

– Действительно...

Всем присутствующим было известно, что баба Дуня слыла в селе знатной рассказчицей. Старуха, кряхтя, села на сундук, оперлась спиной о печку и, почувствовав телом ее приятное тепло, интригуяще произнесла:

– Что ж – можно и рассказать, я много интересных историй знаю...

Анастасия и Тамара расставили на столе угощение, выложили в глубокую глиняную миску часть принесенных Коржаковой грибов и, заправив их сметаной и репчатым луком, подали в дополнение к картофелю с салом.

– Ешьте, детки, я расскажу вам очень примечательную историю, – устроившись удобнее, произнесла старуха.

– Очень интересную, – ухмыльнулась Тамара. – Сказала б, что очередную небылицу...

– Тихо! – цыкнула на нее Фаина.

– А мне что – слушайте... – фыркнула Коржакова.

В этот момент входная дверь визгливо скрипнула, и в комнату вошла Елизавета Варенкова.

– Вот ты где! – запыхавшись, произнесла женщина. – Я ее по всему селу ищу, а она у соседей щи хлебает... Дома, что – еда не вкусная? Я полдня у печки отстояла, а есть – некому.

Пелагея улыбнулась:

– Не сердись, погреться они зашли...

– А я что? – сняв с головы пуховый платок, произнесла Елизавета. – Пусть гуляет, но поесть-то прийти можно...

Роза положила на стол перемазанную сметаной ложку и виновато посмотрела на мать:

– Я только попробовала... – пролепетала девушка.

Елизавета с укором посмотрела на дочь, потом перевела взгляд на Пелагею и, качая головой, произнесла:

– Тебе, мать, что – своих ртов мало? Отправила б ее домой, чай, не за морями живем, как-никак – соседи...

Баба Дуня дала ей договорить и вступилась за подружку внучки:

– Не кори ее...

– Как же не корить? Я волнуюсь, а она у соседей по сусекам подскребает.

– Так уж и подскребает... – рассмеялась Пелагея. – Вон у нас пир какой! – хозяйка указала рукой на ребят, сидевших за столом.

– Вижу... – ответила Елизавета. – Пойду, принесу сырников, пусть едят.

Роза с опаской глянула на мать и поднялась из-за стола. Женщина встретилась с дочерью взглядом и сменила гнев на милость:

– Сиди, скоро вернусь...

– Ты не сердчай, – вступилась за девушку баба Дуня, – вспомни себя в детстве, помнишь, как ты ко мне прибегала?.. Или забыла?

– Ну вы и сравнили... – смутилась Елизавета.

– Забыла... Детям у людей всегда еда вкусней кажется, –

старуха многозначительно посмотрела на одноклассников внучки.

Ребята переглянулись, простое угощение хозяйки казалось им царским пиром, настолько все было вкусно и аппетитно.

– Что верно – то верно, – нарезая свежеиспеченный хлеб, кивнула Пелагея, – какими бы присмаками детей дома не баловал – у чужих людей им все кажется вкуснее, другой раз даже неловко становится, будто я их не кормлю...

Елизавета с укором глянула на дочь:

– Вот и я о том же: дома всего наготовлено, а есть – некому. Муж на лесозаготовке трудится, дочь с утра до ночи на улице, а Иван целыми днями или в МТС, или у своей зазнобы в городе – корми, кого хочешь, а приготовить каждый день надо...

– И не говори, – вздохнула Пелагея, – сама от стряпни устала, да только куда денешься? Такая наша бабья доля: всех приласкать да накормить...

– Ладно, побегу я... – выпалила Елизавета и выбежала из дома.

Пелагея посмотрела на ребят.

– Что притихли? Ешьте... – улыбнулась женщина.

– Спасибо, – ответил Рыжик. – Не знаю, как другие, лично в меня больше не лезет.

– В меня тоже... – признался Костик.

– Не хочешь – не ешь! – грубо заявила Тамара. – Другие,

может, с удовольствием сырников отведают...

– Хватит, ребята, ссориться из-за пустяков, лучше давайте все уберем и поиграем... – предложила Фаина.

– Точно! – поддержала ее Зинаида.

– А слушать меня, значит, вы уже не желаете... – хитро улыбнулась баба Дуня.

Старуха обвела ребят испытывающим взглядом и как бы между прочим промолвила:

– Не хотите – как хотите...

– Хотим! Правда, ребята?.. – обрадовалась Зинаида.

Ребята переглянулись и расселись по местам.

– Тогда слушайте... – начала рассказ старуха. – В молодости я жила с родителями в Лещанах.

– В тех, что за лесом? – уточнила Фаина.

– Да, – кивнула женщина. – Родители мои были люди зажиточные и хозяйство имели немалое, а там, где достаток – всегда людская зависть...

– Это точно, – кивнула Пелагея.

Баба Дуня выждала, когда соседка договорит, и продолжила:

– Так вот, заметил мой родитель, что по ночам в хлев кто-то наведывается...

– Человек или зверь? – уточнил Юрка.

Старуха таинственно улыбнулась и ответила:

– Слушай, не перебивай... Так вот, приходит мой отец как-то в хлев и видит, что вымя у кормилицы – пустое, а сама

она – перепугана. Задумался он: как же так – корма корова получает достаточно, а молока нет? Спрятался он вечером на чердаке дома и стал наблюдать...

– Ужас какой... – съежилась Роза и прижалась к плечу Тамары.

– Что ты жмешься ко мне? Она еще ничего не сказала, – оттолкнула подругу Коржакова.

Розе стало неловко, она стыдливо потупила взор, отодвинулась от Тамары и спряталась за спину Зинаиды. Голованова глянула на перепуганную подругу и, сторя от любопытства, спросила:

– А что дальше?

– Так вы же меня постоянно перебиваете... – обиделась баба Дуня.

– Девчонки, прекратите! – усмирил одноклассниц Виктор.

Девушки притихли. Женщина дождалась, когда в комнате воцарилась тишина, и продолжила:

– Так вот, просидел отец в засаде до глубокой ночи и ничего подозрительного не заметил, одно показалось ему странным – черная кошка прошмыгнула в приоткрытую дверь коровника.

– Кошка? – удивился Юрка. – Разве она могла высосать молоко у коровы? Что-то здесь не так...

– Дайте человеку рассказать, – разозлился Колька. – Извините, баба Дуня, продолжайте, мы внимательно слушаем...

Старуха посмотрела на ребят и вернулась к рассказу:

– Вот и мой родитель не придавал этому особого значения, но спустя некоторое время решил все-таки проверить. Слез с чердака, прокрался тихонько к хлеву и заглянул внутрь. Видит – кошка устроилась под выменем коровы и сосет молоко, сосет и раздувается, становится больше и больше...

Юрка нервно заерзал, хлопнул себя ладонями по коленям и возмущенно заявил:

– Как хотите, а я не верю, что кошка способна высосать столько молока. Что хотите со мной делайте – только не может этого быть и все тут!

Тамара сердито глянула на опекуншу и фыркнула:

– Бабуля, ты ври да не завирайся... Говорила же, что она очередную небылицу расскажет... Разве может такое быть? Прав Юрка – чушь это!

– А вот и может! – возразила Зинаида. – Моя бабушка много подобных историй знает...

– Еще одна любительница народных сказаний нашлась... – ухмыльнулась Тамара. – Не верьте, вранье все это, позабавить бабуля вас решила.

– А продолжение истории хотите услышать? – не обращая внимания на колкие замечания внучки, поинтересовалась баба Дуня.

– Хотим, конечно, хотим!!! – наперебой затараторили ребята.

Старуха отхлебнула из глиняной кружки травяного чая, предложенного хозяйкой, и, прижав поясницу к теплой печ-

ке, продолжила:

– Так вот, стоит мой родитель у хлева и думает, как ему проучить воришку... Осмотрелся вокруг и заметил у стены сарая полено. Наклонился, поднял его, толкнул ногой дверь сарая и бросил в кошку. Полено угодило воришке по правой передней лапе, она взвыла человеческим голосом и, хромя, бросилась наутек. Отец хотел ее поймать, но та прошмыгнула у него между ног и с криком убежала прочь.

– А почему кошка кричала человеческим голосом, вы что – оговорились? – поинтересовался Виктор.

– Нет, – таинственно произнесла старуха, – она и впрямь закричала женским голосом – отец хорошо это расслышал...

– Как это? – удивился Рыжик.

– Вот и отцу моему показалось это странным, – ответила баба Дуня.

– Жуть какая... – съежилась Роза. – Может, дальше не надо...

– Что ты заладила? – оборвал ее Стригунок. – Боишься – нечего здесь сидеть, иди домой, дай людям послушать.

– И вовсе я не боюсь... – насупилась девушка. – Просто меня знобит после улицы. И вообще, если кошка женским голосом кричит, разве это нормально?

– А кто говорит, что это нормально? Может, ему показалось... – ответил парень.

– Поначалу и родитель мой так решил, но вскоре понял, что не ослышался...

– А как он это понял? – заерзал на табурете Виктор. – Он что – ее нашел?

Баба Дуня отпила из глиняной кружки ароматного травяного чая и ответила:

– Нашел, только не кошку...

– А кого? – оторопел Юрка.

Женщина лукаво глянула на ребят и после непродолжительной паузы произнесла:

– Соседку!

Слова женщины обескуражили ребят, никто из них не ожидал такой развязки. Потрясение их было столь велико, что первоначально они не знали, как реагировать.

Первым пришел в себя Костик, он недоверчиво глянул на рассказчицу и, пытаясь прояснить ситуацию, поинтересовался:

– Что значит – соседку? Вы же говорили о кошке...

– Действительно, – поддержал его Николай, – причем здесь соседка, если молоко выпила кошка?..

– Я же говорил, что здесь что-то не так, – занервничал Юрка.

«Что-то здесь не вяжется... – подумала Анастасия. – Старая баба Дуня стала. Похоже, забывается...»

Старуха, будто, прочла ее мысли:

– Небось, думаете, что я из ума выжила? Да нет, этим я еще не страдаю, глуховата маленько – этого не скрываю, а на память пока не жалуясь.

– Тогда как вас понимать? – спросил Костик.

– Вот молодежь, – покачала головой Пелагея, – в том-то весь и интерес, чтоб не сразу все рассказать...

На самом деле хозяйке не терпелось услышать конец истории, но интереса своего она старалась не показать, чтоб односельчане не сочли ее наивной. Довольная тем, что ей удалось заинтриговать соседей, баба Дуня произнесла:

– А ситуация, милые, прояснилась сама собой... Пошел отец утром на работу, проходит мимо дома соседки, слышит – во дворе кто-то громко стонет, и стон тот весьма на причитания ночной гостьи походит. Остановился отец, прислушался, видит – идет по двору соседка, правая рука перебинтована и платком вокруг шеи завязана. Увидела она моего родителя да как вскрикнет, будто не человек, а сам лукавый явился перед ней. Удивился отец, чего она от него так шарахнулась и говорит: «Доброе утро, Ядвига Сигизмундовна, что с вами случилось?» А та голову от него воротит и отвечает: «Поскользнулась и сломала руку». Услышал отец ее голос и понял, что его слышал, когда угодил поленом кошке по лапе, и пришла ему на память молва, что ходила в деревне...

– Что за молва? – полюбопытствовала Пелагея.

– Люди в деревне считали соседку колдуньей и многие несчастья связывали с ее злыми кознями.

– Ужас какой... – трепеща от страха, произнесла Роза. – Что же это получается – женщина превращалась в кошку?

– Да, и много бед в этом образе причинила людям.

На мгновение в комнате воцарилась гнетущая тишина, только настенные часы мерно отсчитывали минуты. «Бах!» – раздалось у печки, серый хозяйский кот спрыгнул на пол, испуганно глянул на ребят, издал сдавленный гортанный звук и, пробежав через комнату на полусогнутых лапах, с испугом забился под кровать.

– Ой!!! – перепугалась Роза и схватилась за плечо Тамары. Коржакова вздрогнула и сердито крикнула:

– Отстань от меня, все плечо оцарапала, словно кошка!

Ребята ожили и усталились на девчат.

«Хлоп!» – послышалось в коридоре, и через пару секунд в комнату вошла Елизавета. В левой руке женщина держала тарелку с горячими сырниками, тщательно укутанную в льняной рушник.

– Еще не весь чай выпили?.. – поинтересовалась женщина и, подойдя к столу, поставила на него свою ношу. – Чего вы такие странные? – окинув взглядом присутствующих, полюбопытствовала женщина.

– Очень жаль, что тебя не было, – ответила хозяйка, – баба Дуня нам весьма интересную историю рассказала.

– Правда? Жаль, что я не слышала, страсть как люблю рассказы соседки... Чего меня не подождали?

– Не слышала – и хорошо, я до сих пор в себя прийти не могу... – ответила Роза.

– Правда? – удивилась Елизавета. – Что ж она вам такого

рассказала?

– Не переживай, у меня на всех рассказов хватит, – достав из кармана крючок и клубок с нитками, хитро улыбнулась старуха. – Я, милая, долгую жизнь прожила, много где была и много чего видела... Вечера зимой длинные, работы хватает, так что наслушаешься...

Женщина положила на колени клубок с нитками и, склонив голову, стала довязывать кружевной воротник. Елизавета подошла к старухе и стала рассматривать рисунок кружева.

– Ловлю вас на слове... – произнесла женщина, после чего подошла к столу и стала раскладывать по тарелкам сырники.

Ребята сначала категорически отказывались от угощения, но когда хозяйка налила в кружки ароматный травяной чай, мгновенно опустошили тарелки.

– Вот и молодцы, – улыбнулась Елизавета, – зря отказывались.

– Угу! – дожевывая поджаристый сырник, кивнул Рыжик.

– Что – угу?

– Угу! – закашлялся парень.

– Ешь, потом будешь разговаривать, – хлопнула парня по спине Елизавета.

Рыжик проглотил застрявший в горле кусок сырника и благодарно глянул на женщину.

– Шевелюра у тебя, Виктор, просто загляденье, – улыбнулась Елизавета... – Можешь зимой без шапки ходить.

– Угу! – уплетая очередной сырник, кивнул парень.

– Эх, дети, дети... Когда вы выросли? Не заметим, как свадьбы начнем гулять... – вздохнула Елизавета.

– Ну ты хватила... – покачала головой Пелагея. – Какие свадьбы? Им учиться надо...

– А я не говорю, что это будет завтра, время летит быстро, не успеем оглянуться, как сватать начнем.

Пелагее не понравились слова подруги, она считала, что рано говорить с ребятами на подобные темы, потому поторопилась перевести разговор.

– Ну так как – понравились вам сырники? – поинтересовалась хозяйка.

– Да, благодарим! – отставив тарелку в сторону, ответила Зинаида.

Пелагея поправила девушке косу и ласково произнесла:

– Не меня благодари, а вон кого... – и кивнула на Елизавету.

– Ой, конечно... – спохватилась девушка. – И вас, Елизавета Никандровна, благодарим, и вас, баба Дуня.

Старуха оторвалась от вязания и спросила:

– А меня за что?

– За рассказ... – пояснила девушка.

– Не за что, вам было интересно, и мне приятно, вечера сейчас долгие, одна отрада – на село сходить...

– Что верно, то верно, – кивнула Елизавета, – зимой жизнь в деревне словно замирает, земля отдыхает от трудов, а вме-

сте с ней и люди меняют свой уклад жизни – до чего весной и летом руки не доходили, зимой стараются сделать.

– И не говори... – вздохнула Пелагея. – Одежды нашить, ковров наткать, одних варежек да носков для семьи не напа-сешься. Только свяжу, глядишь – через неделю-другую уже нужно штопать... А сколько времени уходит на вышивку рушников и рубашек... Вот, к примеру, взять меня... С рож-дения была расторопной, а дня на все не хватает. Кручусь, верчусь, как белка в колесе, а работе нет конца и края, я уже не говорю о хлопотах по хозяйству – они тоже много време-ни занимают... И все же, несмотря на все трудности, в де-ревне жить интересней, чем в городе. Лично я не представ-ляю, как можно целыми днями сидеть в конторе и копаться в бумагах...

– И не говори, – кивнула Елизавета, – не хотела б я такой жизни. Вот и Ивану своему говорю: «На что тебе сдалась эта городская? Что ты в ней нашел? Чужая она нам, к работе на земле не привычная». А он мне в ответ: «Зато она куль-турная, и с ней есть о чем поговорить». А я так думаю, что толку от разговоров – ими сыт не будешь, а больше на что она годится? Или я не права?..

– Может, он ее любит... – заметила Тамара.

Женщины прервали беседу и с удивлением посмотрели на девушку.

– Правда? – спросила Елизавета. – Я, милая, посмотрю, захочет ли он говорить о любви, когда кушать будет нечего,

и приготовить будет некому...

– А почему им есть будет нечего? В городе в магазинах и на рынке все продается... Не будут землю пахать – у людей что нужно купят, – ответила Тамара.

Пелагея и Елизавета переглянулись. Помня, что девушка росла сиротой, они не сочли нужным воспитывать ее в присутствии родной бабки.

– А что это ты, внучка, в разговоры людей встречаешь?.. – оторвавшись от вязания, произнесла баба Дуня. – Когда это было, чтоб яйцо курицу учило?

– Я просто высказала свое мнение... – огрызнулась Тамара.

– Тебя кто-нибудь спрашивал? На каком основании ты встречаешь в разговор взрослых людей, которые больше забыли, чем ты успела узнать? – строго спросила старуха. – К тому же они дело говорят, я считаю, что каждая птица должна искать себе пару из того семейства, к которому принадлежит – в природе иначе не бывает. И хоть я ничего не имею против городской зазнобы Ивана, все же считаю, что парню следовало обратить внимание на сельских девушек. А так получается – она городская, как шелк, глянцева, а он вырос в деревне, и это его начало будет всю жизнь к земле тянуть. Не зря говорили в старину – кто где родился, там и пригодился...

– Я тоже в город уеду, – с вызовом заявила Тамара, – надоело в деревне жить...

– А хлеб с мясом ты любишь кушать? – с укоризной произнесла баба Дуня. – Кто тебе это растить и в город доставлять будет?

Тамара насупилась и исподлобья посмотрела на опекуницу, девушке не нравилась ее философия. Каждый раз, когда Тамара пыталась заговорить с ней на эту тему, старуха тыкала ее носом в ее крестьянское происхождение.

– Так что, по-вашему, если я родилась в деревне, так всю жизнь должна в колхозе работать? Нет уж! Окончу школу и уеду в город!

У Пелагеи похолодело все внутри. «Что, если и Настя так думает?..» – расстроилась женщина и украдкой глянула на дочь. Елизавете тоже не понравились рассуждения Тамары, женщина разволновалась, но внешне вида не подала.

– Что вы сидите? Поиграли бы во что-нибудь... – стараясь скрыть зародившуюся в сердце тревогу, предложила хозяйка.

– Точно, давайте поиграем, – ухватилась за идею Зинаида. Девушка подбежала к Константину и, потянув его за рукав шерстяного свитера, вытащила на середину комнаты.

– Костыка, будешь водилой. Стой здесь, надо тебе глаза завязать... – произнесла Зинаида и посмотрела по сторонам, стараясь найти подходящую для этого вещь.

– Платок сгодится? – поинтересовалась Пелагея. – Вон, возле печки висит...

Зинаида оглянулась и увидела большой платок, перебро-

шенный через веревку у печки. Девушка принесла его и, сложив в несколько раз, завязала однокласснику глаза.

– Больно... – сморщился парень. – Ослабь немного...

– Не дергайся, не то туже затяну... – пригрозила Зинаида.

– Ослабь, говорю... – сердито буркнул парень.

– Хитрый... Подсматривать хочешь? – с вызовом заявила девушка.

– Ослабь повязку, не будет он подсматривать, – вступился за друга Колька.

– Откуда ты знаешь? Ладно, верю... – проверив плотность повязки, произнесла девушка. – Можем начинать...

– Только, чур, не прыгайте с места на место! – предупредил Костик. – Если играть – то по-честному!

– Не учи ученых... – ухмыльнулся Юрка и окинул ребят взглядом. – Ну, что – начинаем?

– Лады! – кивнул Рыжик и подал ребятам знак, чтобы поменялись местами.

Константин стоял посреди комнаты с завязанными глазами, собрав в кулак свое внимание и обратившись в слух.

– Дерг, дерг!.. – изменив интонацию голоса, произнесла Фаина.

Виктор Рыжаков подбежал к водящему и дернул его за широкую штанину. Костик изловчился и попытался схватить подошедшего, но Рыжик увернулся и убежал. Ребята, шаркая и барабая по полу ногами, стали отвлекать внимание водящего. Константин, сбитый с толку хитрыми манев-

рами игроков, на потеху присутствующим бродил по комнате с плотно завязанными глазами, как баркас в море, потерявший управление. Услышав очередное «Дерг, дерг!», парень пытался поймать подошедшего, натыкался на скудную мебель жилища и неуклюже балансировал расставленными в стороны руками.

– Не угадал, не угадал!!! – хлопали в ладоши Светлана и Павлик.

– Вот сорванцы, – улыбнулась баба Дуня, – этак они тебя до утра за нос водить будут. Ты не дожидайся, когда они тебя очередной раз тронут, как заслышишь, что они кричат «Дерг, дерг!», изловчись и хватай того, кто рядом...

– Бабушка, не мешай! – сделала замечание Тамара.

– Не подсказывайте, не то мы вас водилой выберем, – улыбнулась Фаина.

– А что – это будет интересно... – хихикнул Рыжик, представив, как глуховатая соседка будет ловить игроков.

– Что вы там бормочете? – не расслышала старуха. – Говорите громче...

– Я говорю, если будете Костьке подсказывать – поставим вас водить, – сдерживая смех, крикнул парень.

– А разве я подсказываю? Просто растолковываю, как играть...

– Бабуля, помолчи, ты нам игру портишь... – рассердилась Тамара.

– Я же ничего не сказала...

– Все равно молчи!

– Нема, как рыба, – ответила женщина и, склонив голову, стала вывязывать крючком узор.

Ребята вернулись к игре, а женщины продолжали обмениваться последними деревенскими новостями.

– Тихон сделал Дарье предложение... – многозначительно произнесла Елизавета.

– Что ты говоришь? – ахнула баба Дуня. – Наконец-то, думала, они до старости женихаться будут...

– И я так думала, а он возьми да и скажи: «Хватит, Дарья, нам с тобой в прятки играть, выходи за меня замуж...»

– Прямо так и сказал?

– А еще, говорит, собирай пожитки и съезжай с этого хутора...

– Куда ж ей съезжать? – растерялась баба Дуня. – У нее там дом и хозяйство...

– Как куда? К нему...

– А что Дарья? Небось, начала на Василия кивать, дескать, он против...

– Нет, на сей раз согласилась, видно, надоело одной век куковать...

– И то верно, женщина она хорошая, работающая, столько лет одна на своих руках хозяйство тянет... – вступила в разговор Пелагея.

– Да уж, досталось ей, – кивнула баба Дуня, – кому-кому, а мне хорошо известно, каково одной детей воспитывать. Я

на судьбу не жалуясь, слава Богу, внучка выросла, а дальше дело за ней: захочет стать человеком – станет, нет – пусть пеняет на себя. Трудно мне с ней. Слышали, как отвечает?..

– Возраст у них сейчас такой, со временем остепенится, а так – девушка она хорошая, с иной Настя не дружила бы. Они не разлей вода, где одна – там другая... Знаешь, как она мою Настю любит, она за нее таких тумачков надает... – улыбнулась Пелагея.

– Только и делает, что тумачки направо да налево раздает, а она девушка, ей ласковой надо быть, – вздохнула старуха. – Сколько раз говорила: «Прекрати драться – иначе никто замуж не возьмет». Знаете, что отвечает?

– Что? – любопытствовала Елизавета.

– Возьмут, говорит, никуда не денутся...

Пелагея и Елизавета засмеялись.

– Так и говорит? – спросила Елизавета.

– Да, – кивнула старуха.

– Молодец, она себя в обиду не даст. Насте бы немного ее решительности... – вздохнула хозяйка. – А то все робеет да переживает, чтоб кого ненароком не обидеть...

– Этому радоваться надо! – перебила женщину баба Дуня. – Зато без синяков ходит, и от людей неприятностей нет, а я только и слышу: «Ваша внучка побила нашего сына – рубашку порвала...» Думаете, приятно?

– Остепенится, – успокоила соседку Пелагея. – Закваска в ней хорошая, а лишнюю мишуру жизнь отбросит...

– Легко тебе говорить, когда Анастасия проблем не доставляет, – вздохнула старуха.

– Пока – да, а что дальше будет – неизвестно, – ответила хозяйка.

– Про Дубова нашего и Лидию Бортникову слышали? – глянув на детей, прошептала Елизавета.

– А эти кому не угодили? Люди, как люди, живут – никому не мешают, – ответила баба Дуня.

– Вот и я так думала, – вкрадчиво произнесла Варенкова.

– А в чем дело-то? – полюбопытствовала хозяйка.

– Роман у них – вот что... – прошептала Елизавета.

– Не может быть.

– И я поначалу не верила.

– С чего ты взяла? Председатель – человек серьезный, да и Лидия – женщина порядочная, в Епифане души не чает – бред это! – категорично заявила Пелагея. – Кто тебе сказал?

– Мать Бортникова.

– Неужто?

– Именно...

– Что-то мне не верится, врет старуха, всем известно, что она Лидию недолюбливает.

– И я не верю! – отложив в сторону вязание, произнесла баба Дуня. – Не похоже на Лидию, они с Епифаном душа в душу живут, что-то здесь не так...

– А может, они того?.. – подмигнула Варенкова.

– Что – того?

– Как говорят, седина в бороду – бес в ребро. Что, такое бывает... Лидия – женщина видная, не удивительно, что вскружила голову Дубову, на нее и другие мужики в деревне засматриваются...

– Мужики, подруга, такой народ, что если им в одном месте неймется, они не то, что на красивую бабу – на бабу Ягу глаза таращить будут... – заметила Пелагея.

– И то правда, – кивнула баба Дуня, – то, что на Лидию мужики заглядываются, еще не повод, чтоб ее осуждать, женщина она сурьезная, за себя постоять умеет.

– Да что говорить – огонь, а не женщина, любого мужика так отбреет, что не рад будет, что сунулся... – улыбнулась Пелагея. – Так что, думаю, чепуха это. Старуха наговаривает – воспользовалась случаем, что Епифана нет дома, вот и решила посчитаться с невесткой. Нехорошо это, не полюдски, надо зайти к ним, поговорить, а то бедной женщине так и отчаяться можно. Поди, докажи людям, что все это выдумки выжившей из ума старухи. Да и Епифана жаль – он ни за что пострадал, а тут еще дома такой удар ждет... А детям это за что? Совсем одурела старуха, ни сына, ни внуков не щадит, думает, что позор ляжет только на Лидию, а то, что это пятно на всю семью – не думает...

– Верно... Епифан с Дубовым всю жизнь дружат, воевали вместе, боевые награды имеют, их дружба прошла закалку в горниле войны... Не мог Петр поступить так со своим другом. Не зря мы их в правление колхоза выбрали, знали,

что лучшие, – заявила баба Дуня. – Нельзя позволить матери Епифана посеять меж ними рознь. Дружба – дар Божий, после нее так же свята только любовь, и одно от другого мало отличается. Узы дружбы – нерасторжимы и вечны, как узы любви. Так что ты, Пелагея, правильно решила вмешаться, нельзя позволить матери Епифана сотворить такое зло. Постоять за честь доброго человека – благое дело, так что ступай и разберись...

Хозяйка выслушала соседку и в очередной раз подивилась житейской мудрости старухи, и хотя баба Дуня снова упомянула Бога, Пелагея, как коммунист, закрыла на это глаза. «Как смогла, так и разъяснила, – подумала женщина, – поздно отучать ее от Веры, ничего плохого в ее словах нет, так что – пусть говорит, как ей нравится, лишь бы польза была». Елизавета тоже подивилась проницательности соседки. «Надо же, как она все рассудила, – подумала женщина, – старая, а в житейских делах разбирается, про дружбу и любовь так говорила, что заслушаешься...»

– Откуда вы все это знаете? – поинтересовалась Елизавета.

– Ты это о чем? – оторвавшись от вязания, спросила Коржакова.

– Про любовь и дружбу...

– А...

– И все же...

– Из святого Писания и проповедей нашего батюшки, я их

за свою жизнь ох... сколько наслушалась, он в церкви с нами много о чем говорил...

– Из Писания? А разве там об этом говорится?

– Конечно... И об этом и о другом, там обо всем говорится... – вздохнула баба Дуня.

Елизавета и Пелагея переглянулись, им страсть как хотелось узнать, о чем еще говорится в святом Писании, на которое часто ссылалась соседка. Коржакова, прищурившись, посмотрела на женщин и, уловив в их взгляде вопрос, добавила:

– А чего тут сомневаться? Вот вы, к примеру, дружите, помогаете одна другой, стремитесь быть рядом и в счастье, и в горе, доверяете друг другу...

– Да, – кивнула Пелагея.

– А если бы одна из вас уехала жить в другое место – стали бы вы любить друг друга меньше, разве не захотелось бы вам увидеться и поведать друг другу все, что случилось за время разлуки?

– Хотелось бы, – ответила Елизавета.

– Так и смерть одного из друзей не прерывает дружеских уз, потому как чувство это вечное.

Елизавета и Пелагея задумались.

– Наверное, ты права, – задумчиво произнесла хозяйка.

– Я, милые, прожила долгую жизнь, многие из тех, кого я любила, лежат в земле сырой, но несмотря на это, каждый из них мне по-прежнему дорог, со многими я мысленно раз-

говариваю, а то и вслух. Разговариваю – и кажется, что они рядом, любят и жалеют меня, как прежде, я искренне верю, что когда придет час предстать мне пред Богом, обязательно встречу с ними в Царствии Отца Небесного, и мы будем неразлучны до скончания времен... – с легкой грустью произнесла старуха.

Выражение лица ее изменилось, и женщинам показалось, что морщинок на ее лице стало меньше. Пелагею и Елизавету так тронули слова соседки, что у них на глазах выступили слезы.

– Как вы верно все говорите, – задумчиво произнесла Варенкова, – так бы сидела и слушала целую вечность...

В этот момент в коридоре что-то громыхнуло, и в комнату в тулупе нараспашку вошел Степан. Увидев полную горницу односельчан, мужчина растерялся, но тут же взял себя в руки и, улыбнувшись, произнес:

– Здравия желаю! Гостей – полная хата, а хозяина дома нет...

Ребята прервали игру и поздоровались с мужчиной.

– И тебе, Степан, доброго здравия, – улыbnулась баба Дуня. – Неужто только еще с работы?

Светланка подбежала к отцу, потянула его за мокрую полу тулупа и произнесла:

– Костик никого поймать не может, мы ему кричим-кричим, дергаем-дергаем, а он не может угадать кто...

– Не может быть, это он нарочно, – улыbnулся Степан, –

иди, дочка, играй, я позже к вам присоединюсь...

Пелагея взяла у мужа ушанку, облепленную снегом, трянула ее, и положила сушиться на печь.

– Поздновато ты, я волноваться стала... – отодвинув за-
слонку в печке, произнесла женщина. – Что так поздно?

– Дорогу замело, насилу до деревни добрался. Хорошо, что валенки высокие надел, не то б ноги до колен мокрыми были... – мужчина подошел к печке и приложил заочевшие ладони к теплomu кирпичу. – Ну и погода... Сугробы по оконные рамы намело, а снег все падает и падает – этак к утру до самой крыши занести может. Прошлой зимой несколько раз через чердачное окно приходилось на улицу выбираться, чтоб входную дверь откопать...

– Неужто до сих пор метет? – разволновалась Елизавета. – Надо идти домой, не то до утра не выберемся, а ну, ребята, заканчивайте игры и живо по домам...

Едва успела она договорить, как в дом, запыхавшись, вбежала мать Юрия. Женщина с ног до головы была запорошена снегом, по всему было видно, что она крайне расстроена. Хозяева и гости с удивлением посмотрели на Прасковью.

– Добрый вечер, Пелагея, сын мой у вас? Волчок у двери вашего дома сидит, коль он здесь, значит, и сын мой рядом... – отдышавшись, произнесла женщина.

– Вон он! – кивнула хозяйка.

Юрка при виде матери моментально сник и, насупившись, опустил голову. Прасковья окинула взглядом тускло осве-

ценную комнату, увидела сына и ласково произнесла:

– Сынок, пойдём домой, отец волнуется, всю деревню оббегали, тебя разыскивая...

Юрке не хотелось посвящать в семейные проблемы односельчан, он взял у матери принесенное пальто, набросил на плечи и, попрощавшись, вышел.

– Спасибо, что приютили моего парня... Как глянула, что убежал из дома без пальто – чуть в обморок не упала... Хорошо, что какое-то время у вас отсиделся, хоть бы не заболел... Что делать? Совсем неуправляемый стал.

– Возраст сейчас у них такой, – отложив вязание, многозначительно произнесла баба Дуня, – он добрый, а то, что с характером, так то – не беда, парню положено быть с характером. Не горюй, образумится.

– Хорошо бы, а то одни животные на уме, родители будто и не надо... – поправив на голове пуховый платок, с болью в сердце произнесла Прасковья. – Ладно, пойду я, доброй всем ночи.

Прасковья ушла, а вслед за ней стали собираться ребята.

– Уже уходите?.. – растерялась хозяйка. – К Новому Году подготовились?

– Почти... – ответила Анастасия.

Степан закончил ужинать, отставил в сторону пустую тарелку и поинтересовался:

– Это как?

– Надо еще порепетировать... – застегнув тулуп, пояснила

Фаина.

– Слова выучили?

– Мы выучили, а мальчишки – подводят, – бросив недовольный взгляд на одноклассников, ответила Зинаида.

– Что так? – поинтересовался Степан.

– Селистратов монолог никак не выучит, – недовольно буркнула Тамара. – Мы уже и так, и этак с ним разговаривали, он все равно чушь мелет...

– Это не дело, – покачал головой Степан, – коллектив подводить нельзя, надо с ним поговорить...

– В том-то и дело – праздник на носу, а он ваньку валяет, времени, видите ли, у него нет, а у других есть? – в сердцах произнесла Зинаида. – Не парень, а сущее наказание, ни в чем положиться нельзя, обязательно подведет...

– Не подведет, – ухмыльнулся Костик.

– Не верю я Селистратову, – с вызовом заявила Голованова, – надо его кем-нибудь заменить, не ровен час, подведет...

– Сказал же – не подведет, – заверил Костик.

– Чего это ты такой уверенный? – подозрительно глянула на одноклассника Фаина. – Он что – обещал?

– Нет, – надев на голову шапку, ответил Константин.

– А если не обещал, то нечего его выгораживать! – ответила Тамара. – Тоже мне – защитник нашелся... Говорили тебе, не надо ему эту роль давать – ты не слушал... Кто Селистратова перевоспитает? Знаешь, как говорят: родился бычок с пятнышком – с пятнышком и помрет!

– Тамара! – одернула внучку баба Дуня. – Как ты разговариваешь?..

– Нормально! – буркнула девушка. – А Селистратова из спектакля надо убирать, пока он нам все дело не завалил...

– Ладно, разберемся, – ответил Константин. – Спасибо за угощение, до свидания, – попрощался парень и вышел на улицу, за ним последовали одноклассники.

После ухода ребят в доме воцарилась гнетущая тишина, после детского шума и гама она казалась давящей. Приятный полумрак теплого жилища, сытный ужин и тихое размеренное стрекотанье сверчка за печкой навевали разные мысли и располагали к разговору.

– Степан, – нарушила тишину Елизавета, – как ты не боишься в такую темень через лес ходить? Слышал, что с Бортниковым случилось? Как Пелагея это терпит? Я б, наверное, с ума сошла...

Пелагею от этих слов словно горячей волной окатило, женщина поставила на стол вымытую тарелку и глянула на мужа.

– Куда деваться?.. – сняв пиджак, ответил мужчина. – Я свою работу люблю и ни на какую другую не променяю.

– А что в ней такого особенного, что ты ради нее каждый день жизнью рискуешь? – полюбопытствовала Варенкова. – Чем тебе работа в колхозе не по нраву? И семье спокойней,

и трудодней больше заработали бы...

Степан не в первый раз слышал подобное от односельчан и каждый раз старался объяснить, что не нужда заставляет его ходить на работу за столько километров, а интерес к делу, которому мужчина посвятил свою жизнь.

– И все же что тебя заставляет каждый день ходить туда-обратно? Ты не молод, ближе к дому работать было бы лучше...

Пелагея украдкой глянула на мужа, ополоснула в воде очередную тарелку и вытерла рушником. Степан нахмурился...

– Разве можно сравнивать работу на железнодорожной станции с работой в колхозе? – ответил мужчина. – Это совершенно разные вещи...

– Отчего же? – полюбопытствовала Елизавета.

– Потому что в колхозе из-за работы люди белого света не видят, а на станции я каждый день с новыми людьми встречаюсь, много интересного узнаю, жизненного опыта набираюсь. Так что прекращай, соседка, свою агитацию, знаю я, откуда ветер дует... – ответил мужчина и искоса глянул на жену, полагая, что Пелагея подговорила подругу завести с ним этот разговор.

Хозяйка накинула влажный рушник на плечо и спросила:

– Ты о чем?

– Сама знаешь... Сколько раз говорил – прекрати разговаривать со мной на эту тему...

– О чем это ты? – пожалала плечами женщина, она неоднократно пыталась уговорить мужа оставить работу на станции и перейти работать в колхоз, но каждый раз встречала яростное сопротивление мужчины.

– Ты подговорила Елизавету начать со мной этот разговор? – спросил Степан. – Напрасно, ничего не выйдет, а по поводу того, что опасно ходить через лес – скажу вот что: волков бояться – в лес не ходить...

Баба Дуня поняла, что Елизавета затронула болезненную тему Ушаковых, потому попыталась исправить положение.

– Верно, незачем плохое думать, не один ты этой дорогой ходишь, взять хотя бы нашего почтальона... Сколько километров за день он проходит – и ничего, если всего бояться, так и жить не стоит. И вот что еще скажу: бояться надо двух вещей – как бы от Веры отцов не отступить и на козни лукавого не попасться.

Пелагея и Елизавета переглянулись, а Степан с нескрываемым восхищением посмотрел на женщину и с благодарностью произнес:

– Мудрая вы наша, о чем ни спроси – на все ответ есть, да еще не какой-то, а самый верный.

– Действительно, – согласилась Пелагея, – мудрости вам, баба Дуня, не занимать...

Старуха сложила вязание и положила в карман шерстяной кофты.

– Проживете, сколько я – и вы мудрыми станете. Ладно,

пойдем мы... Внучка, прощайся с подругами, завтра увидитесь... – женщина пошла к двери.

Тамаре не хотелось уходить, но перечить опекунше она не стала. Девушка попрощалась с хозяевами дома и последовала за старухой. Елизавета увидела, что Коржаковы уходят, и засуетилась:

– Засиделись мы у вас, а дома работы невпроворот... Ивана направили работать на лесозаготовку – надо собрать парня в дорогу. Одевайся, дочка, пойдем...

Хозяева проводили гостей и занялись домашними делами.

ГЛАВА 52

ВСЮ НОЧЬ МЕЛА МЕТЕЛЬ, ветер в печной трубе завывал с такой силой, что Елизавета не могла заснуть: то ей казалось, что вокруг дома кто-то ходит, то ей слышалось, что хлопнула входная дверь, и в подполе что-то заскребло... Женщина насторожилась, подтянула к шее пуховое одеяло и вслушалась в ночную тишину. «Наверное, показалось», – успокоилась хозяйка и постаралась отогнать тревожные мысли. Не успела она закрыть глаза, как в дальнем углу дома скрипнули половицы. «Что это?» – прислушалась женщина и отдернула занавеску, отгораживавшую закуток, где она спала, от общей комнаты. В этот момент в печной трубе что-то загрохотало и посыпалось, словно в нее бросили горсть песка с камнями. «Это неспроста... – опечалилась Елизавета. – Хоть бы крышу ветром не снесло, ишь, какие сильные порывы...»

– Мама, ты не спишь?.. – спросила Роза.

Елизавета приподняла голову над подушкой и прошептала:

– Дочка, ты?

– Угу... – всхлипнула девушка.

– Почему ты не спишь?

– Не знаю, – Роза уткнулась лицом в подушку и заплакала.

– Случилось что? – забеспокоилась женщина.

– На сердце тревожно, всю ночь кручусь с бока на бок... – глотая слезы, ответила девушка.

Елизавета отбросила одеяло, всунула ноги в валенки, стоявшие рядом с кроватью, и тихо, чтобы не разбудить брата, подошла к кровати дочери.

– Чего плачешь?

– Ваню жалко...

– Ивана? – удивилась хозяйка.

– Угу!..

Елизавета в недоумении посмотрела на дочь:

– А разве с ним что не так?

Роза ничего не ответила и заплакала.

– Что с тобой? – разволновалась хозяйка. – Толком объяснить можешь?

Роза вытерла ладонью слезы и голосом, полным скорби, произнесла:

– Не надо ему ехать на лесозаготовку...

Елизавета села на кровать дочери и с тревогой спросила:

– Почему?

– Как подумаю, что он уедет, такая тоска к сердцу подступает, что хоть криком кричи, и чем больше об этом думаю, тем больше его жаль.

– Ничего не понимаю... – растерялась хозяйка. – Почему ты меня не разбудила?.. – женщина прижала дочь к своей груди и поцеловала. – Не расстраивайся, нет на то причины.

– Есть! – всхлипнула Роза.

– Да с чего ты взяла?

– Чувствую я это – понимаешь?

– Не говори глупостей, сама расстроилась и в мое сердце тревогу посеяла... Спи!

Роза вытерла слезы и прижалась щекой к груди матери, она не знала, как описать то, что творилось в ее душе.

– Давай запрем Ваньку дома... – предложила девушка и с надеждой заглянула матери в глаза.

– Что ты такое говоришь, как это – запрем? Спи, утро вечера мудренее...

– Это только в сказках так бывает, – насупилась Роза, огорчившись, что мать не желает ее слушать.

«Почему взрослые считают, что дети говорят всякий вздор? – с грустью подумала девушка. – Как мне объяснить, что Ивану нельзя уезжать из дома?»

– Мамочка, придумай что-нибудь, ты же умная... – взмолилась девушка.

– Вот заладила... Далась тебе его поездка... Спи, скоро светать начнет.

Женщина обняла дочку и погладила по распущенным волосам.

– Какая ты у нас красавица... – любуясь дочерью, произнесла Елизавета. – Совсем взрослая стала, чует мое сердце – от женихов не будет отбоя, только ты не торопись, приглядишься ко всем, ты ведь у нас одна, а желающих посвататься к тебе будет много, нам с отцом не все равно, за кого тебя

замуж отдавать...

– Какие женихи? Мне школу заканчивать надо, – рассердилась Роза, – я тебе об Иване говорю, а ты мне про женихов талдычишь, не время мне о них думать.

– Придет пора – не так заговоришь, я это к тому, что коли тебе кто по сердцу придется, так ты не торопись, сначала разберись, что за человек, потом решай...

Роза насупилась и отодвинулась от матери.

– Чего отвернулась? – спросила Елизавета.

– Спать хочу, – буркнула Роза.

– Спи, хотя какой уж теперь сон...

Елизавета легла рядом с дочкой, закрыла глаза и попробовала уснуть, но сон не шел. «Чего зря лежать? Надо встать», – решила женщина, встала, зажгла керосиновую лампу и стала заниматься домашними делами. Время от времени она с тревогой посматривала на дочь и размышляла над ее словами. «Что на девчонку нашло? Может, что чувствует? Девичье сердце – прозорливое, это у взрослого человека душа со временем грубеет и становится нечувствительной к проявлениям жизни, а в юные годы сердечные очи на многое смотрят иначе. Может, на самом деле попробовать отговорить Ивана от поездки? Кто знает, может, Роза хочет оградить его от чего худого... Как же, станет он меня слушать, будем надеяться, что все обойдется». Занимаясь домашними делами, хозяйка не заметила, как пришло время будить сына.

Утро выдалось хмурое и унылое, дул колкий порывистый ветер. Сугробы за ночь намело такие, что Елизавета не смогла открыть входную дверь, чтобы выйти подоить корову. «Этого не хватало...» – расстроилась женщина, при этом дурное предчувствие, зародившееся в ее душе после разговора с дочерью, усилилось. «Недобрый знак, – подумала хозяйка, – будто кто-то специально дверь снаружи подпер. Что делать, как мне отговорить сына от поездки?» Елизавета уперлась плечом в дверь и еще раз нажала, но она не открывалась.

– Что ты скажешь... – растерялась женщина. – Надо отбросить снег снаружи – иначе из дома не выберемся. Пойду, разбуджу Панкрата, может, что придумает...

Елизавета сняла со стены фонарь и вернулась в комнату. «Летучая мышь» тусклым светом осветила скромное жилище Варенковых, а старая кукушка на стене прокуковала четыре раза, оповестив домочадцев, что настало утро. «Надо поторапливаться», – подумала хозяйка и подошла к постели брата. Осторожно тронув мужчину за плечо, женщина тихо позвала:

– Панкрат, просыпайся, надо входную дверь от снега освободить...

Мужчина засопел, натянул на голову пуховое одеяло и повернулся к женщине спиной.

– Вставай, говорю... – более настойчиво повторила хозяйка.

ка.

Мужчина повернулся и, зевнув, спросил:

– Что – так сильно замело?

– Очень, я и так, и этак старалась открыть – никак...

– Который час? – поинтересовался мужчина.

– Четыре, времени до отъезда Ивана осталось немного, надо успеть управиться. А может, он не поедет?..

Панкрат откинул одеяло, дотянулся босыми ногами до валиков, стоявших у кровати, всунул в них свои костлявые волосатые ноги и, подойдя к ведру с водой, спросил:

– Почему он не поедет?

Елизавета подала брату его любимую кружку и с надеждой произнесла:

– За ночь такие сугробы намело, что по дорогам не проехать. Как он на полutorке до лесозаготовки доберется?..

Мужчина зачерпнул из ведра холодной колодезной воды, сделал несколько глотков и, утолив жажду, ответил:

– Доедет, да и не один он будет – Баренцева с ним посылают.

– Леньку? – обрадовалась женщина. – Хорошо, он парень смысленый, Ивана в беде не бросит...

Панкрат искоса глянул на сестру:

– Чего зря паникуешь, он что – маленький? Вон какой бугай вымахал...

Елизавета в смущении отвела взгляд и тихо произнесла:

– Тревожусь я что-то, может, пусть он лучше дома побу-

дет?

– Ты что? Его люди ждут... Не знаю, что на тебя нашло, только ерунду ты говоришь.

Елизавета вздохнула и с тяжелым сердцем отправилась будить сына. «Почему все так в жизни? – размышляла женщина. – Сердце хочет одно, а рассудок диктует другое, так всю жизнь и выбираешь между одним и другим... Как мне отговорить сына от поездки? Хоть самой поперек дороги ложись...» Елизавета подошла к кровати Ивана и тихо прошептала: «Где б ты ни был, сынок, пусть моя материнская любовь хранит тебя...» Иван улыбнулся, открыл глаза и увидел мать.

– Пора? Встаю... – произнес парень.

Елизавета погладила сына по взъерошенным волосам и, потупив взор, ответила:

– Доброе утро, сынок... Как спалось?

– Спасибо, хорошо, – улыбнулся парень и спросил, что она шептала. – Я точно не расслышал, но помню, что-то хорошее...

Елизавета сконфузилась и попробовала отговориться:

– Я только сказала, чтоб ты просыпался.

Парень внимательно посмотрел на женщину, на то, как она прячет от него глаза, и сказал:

– Что-то ты темнишь, мать...

– Одевайся, завтракать пора, – ответила хозяйка и стала накрывать на стол.

Иван не заставил себя долго ждать – быстро встал, умылся, оделся и сел завтракать. Елизавета украдкой глянула на сына, встретилась с ним взглядом, и в этот момент в сердце у нее так защемило, что она едва сдержала слезы. Иван заметил перемену в настроении матери и насторожился.

– Что с тобой? – поинтересовался парень. – Где дядя Панкрат?

– Снег от входной двери отгребает...

– Почему меня не разбудили? Как он из дома выбрался?

– Поднялся в сенях по лестнице на чердак и через торцевую дверь выбрался наружу.

– Он снег отгребает, а я – ем?..

– Ничего, ты еще наработаешься, все дороги замело, не знаю, как доедете...

– Не волнуйся, все будет путем.

– Больно уж ты пряткий... – вздохнула женщина.

– Ты это о чем?

– Ты бы осторожней там, мало ли что... Постарайся держаться рядом с отцом...

– Не волнуйся, я там буду не один, а насчет отца – не знаю, мы с ним в разных бригадах будем.

– Жаль, – опечалилась Елизавета, – народ там собран разный, никто не знает, у кого что на уме...

– Что со мной может случиться? Я же рубаха-парень... – улыбнулся Иван.

Елизавета взяла большую плетеную корзину, сложила

в нее продукты, приготовленные сыну в дорогу, и поставила на стол.

– Что здесь? – поинтересовался пареньь.

Женщина пояснила, что собрала ему в дорогу провизию:

– Не так богато, как хотелось бы, но голод утолить хватит.

– Не надо, нам сказали, что в столовой кормить будут, – ответил пареньь, – побежал я, не хочу опаздывать. Скажи Розе, чтоб тебя слушалась, не то приеду и уши надеру... – Иван бросил беглый взгляд на кровать сестры.

Ему показалось странным, что девушка не захотела его проводить. «Чего это она с головой укрылась?» – насторожился пареньь, он еще раз бросил взгляд на постель сестры и спросил:

– Она, случайно, там не задохнется?

– Действительно, чего она так укуталась? – удивилась Елизавета.

Женщина подошла к кровати дочери, приподняла край одеяла и вместо спящей девушки обнаружила скрученный тулуп Ивана.

– Это еще что, а где она сама? – опешила Елизавета и в растерянности посмотрела на сына.

– Как где? – удивился Иван. – Разве ее там нет? – пареньь подбежал к кровати сестры и заглянул под одеяло.

Мать и сын в растерянности посмотрели друг на друга.

– Ничего не понимаю, она же совсем недавно была на месте, мы с ней полночи проговорили, – взволнованно произ-

несла Елизавета, – куда она могла подеваться, а главное – когда? Я все время была в комнате, если не считать времени, когда выходила на веранду...

– Долго ты там была? – поинтересовался парень.

– Минут десять...

– За это время можно одеться и выйти из дома.

– Как? Входная дверь заблокирована, я не смогла ее открыть, не в щель же девчонка прошмыгнула...

– Нет, конечно, а вот выйти из дома тем же путем, что Панкрат, могла, – парень взял тулуп, накинул себе на плечи, снял с гвоздя ушанку и, поцеловав мать, сказал:

– Не знаю, что она задумала, только не нравится мне это...

Ладно, некогда мне этим заниматься, скоро все выяснится. Наверное, снова с подругами что-то замышляет... Пойду я, не то опоздаю...

Елизавета бросилась к сыну и навзрыд заплакала. Парень растерялся и, обняв мать, ласково произнес:

– Что ты? Я же всего на две недели уезжаю, а ты плачешь, будто навеки расстаемся...

Женщина обвила шею сына руками и во весь голос запричитала:

– Сыночек, миленький, не уезжай!!!

Парень оторопел:

– Вернусь я, никуда не денусь, пусти – мне пора...

В этот момент в сенях послышались шаги, и в комнату вошел Панкрат. Тулуп мужчины был расстегнут, в правой

руке он держал фонарь, а в левой – ушанку.

– Все, племянник, придется тебе дома сидеть, – переступив через порог, произнес мужчина, – лестницу чердачную то ли ветром от стены дома отбросило, то ли кто ее умышленно к забору оттащил... Темно, ничего не видно, но чьи-то следы на снегу все же просматриваются...

Иван и Елизавета в растерянности переглянулись.

– Так ты что, все это время был на чердаке? – удивилась женщина. – Я думала, что ты дверь откапываешь, а ты с чердака следы на снегу рассматривал...

– Рассматривал, и что? – ответил Панкрат. – Надо же мне было выяснить обстановку. Я хотел спуститься по чердачной лестнице вниз и пойти откапывать дверь...

– Так чего не пошел? – возмутилась хозяйка.

– Дошел до торцовой двери на чердаке, открыл ее и хотел спуститься вниз. Гляжу – а лестницы нет...

– Куда она могла подеваться? – опешила женщина.

– Вот и я задумался, куда? Стал я сверху внимательно все рассматривать, вижу – она в сугробе у плетня лежит, а от нее в сторону бани чьи-то едва различимые следы ведут. Так что, племянник, поездка твоя накрылась...

Иван растерялся:

– Как ты думаешь, чьи это следы: взрослого или ребенка?

– Шут их знает, на них не написано, да и не видно их почти, снегом замело...

– Ладно, некогда мне с вами разговаривать, – засуетился

Иван.

Елизавета увидела, что сын собирается уходить, и окончательно расстроилась.

– Сынок, милый, ты же видишь – все против поездки, останься дома...

Иван в недоумении глянул на мать:

– Ты что? Меня комсомольская организация направила... Как я могу не поехать? Вы что – дезертиром хотите меня сделать, как я буду людям в глаза смотреть? Нет, так дело не пойдет, не знаю, что на вас нашло, только не бывать по-вашему, в сугроб с крыши прыгну, а все равно уйду.

Панкрат не мог взять в толк, что за страсти разыгрались в доме.

– Не кипятись, никуда лесозаготовка не денется, сегодня не поедешь – завтра уедешь, какая разница?.. – попробовал образумить племянника мужчина.

Эти слова окончательно вывели Ивана из себя.

– Вы что, сговорились? Не знаю, что вы задумали, только если по-хорошему меня не отпустите, иначе уйду! – парень громко хлопнул дверью и выбежал из комнаты.

– Сынок, вернись! – в отчаянье крикнула Елизавета и выбежала вслед за парнем.

– Ну и дела... – покачал головой Панкрат и поспешил за сестрой и племянником. – Пойду, помогу ему, не то покалечится...

Иван вышел в сени, взобрался по лестнице на чердак, про-

брался в темноте к двери в торце крыши, открыл ее и собрался прыгнуть, в этот момент его окликнул Панкрат:

– Погодь, племянник, помогу.

Парень оглянулся.

– Здесь невысоко, – услышал он хрипловатый голос Панкрата, – я захватил в доме веревку, завяжем ее за печную трубу, а свободный конец спустим вниз... Ничего, не из таких ситуаций выбирались... Ишь, что удумали... Уговорами остановить не смогли – решили хитростью взять. Настоящий бабий заговор... Ничего, мы не лыком шиты, нас на мякине не проведешь. Для вольного сокола затворов не существует, – мужчина пробрался к трубе, обмотал вокруг нее веревку и протянул свободный конец Ивану.

– Бросай вниз и спускайся, я подстрахую...

Иван не заставил себя долго ждать и сделал, как велел Панкрат.

В это время Роза сидела в укрытии возле бани и с горечью в сердце наблюдала, как брат, держась руками за спущенную с чердака веревку, благополучно спустился вниз.

– Зачем? – со слезами на глазах, прошептала девушка. – Я так хорошо все придумала...

– Ты как? – донесся до ее слуха крик Панкрата.

– Нормально! – ответил Иван. – Пойду, отброшу снег от входной двери и сразу же в МТС.

– Счастливого пути! Смотри, не озоруй...

– Не волнуйся, все будет путем, спасибо, что помог...

– Мы же с тобой одной крови, ты мне как сын...

Ивану приятно было слышать эти слова из уст родственника. «Что ни говори, а мужская солидарность – сила», – улыбнулся парень.

Роза была в полном отчаянии – ее план провалился, из своего укрытия она видела, как Панкрат спустил на веревке корзину с провизией и вещмешок брата. Парень принял их, взял у стены дома деревянную лопату и пошел отгрести снег от входной двери.

«Все старания насмарку, – опечалилась девушка, – зачем Панкрат взялся помогать Ивану?..» Роза вытерла варежкой слезы и вышла из-под навеса. «Эх, Ваня, вечно ты все по-своему делаешь... Думаешь, если старше меня, значит – умнее? Иногда стоило бы и меня послушать». Девушка пробралась по сугробам к дому, выглянула из-за угла и увидела, что брат отбросил от входной двери снег и собирается уходить. Роза перегородила Ивану дорогу и сквозь слезы произнесла:

– Не уезжай! Прошу тебя...

Парень сердито глянул на сестру:

– Уйди, глаза б мои тебя не видели...

Девушка заплакала и бросилась парню на грудь.

– Останься, умоляю!

Иван растерялся и беспомощно опустил руки.

– Что с вами? Вы что – с ума сошли? Уйди с дороги! Я комсомолец и обязан выполнять то, что мне поручено...

Роза перестала плакать и посмотрела брату в глаза.

– Ты не единственный, есть другие, пусть они едут... – шмыгнула носом девушка.

Иван отстранил сестру и с горечью произнес:

– Они уже ездили, теперь мой черед, не могу я остаться – понимаешь? Люди не поймут. Вместо того, чтобы плакать – лучше обними меня и скажи что-нибудь хорошее...

Роза поняла, что уговорами брата не остановить, понури-ла голову и тихо всхлипнула.

– Опять... – разозлился парень. – Ступай домой – замерз-нешь... Надо же, что придумала – в доме меня запереть ре-шила...

– Я думала – так будет лучше, – всхлипнула девушка, – но ты прав, комсомолец должен быть там, куда его посылает комсомольская организация.

Роза перестала плакать и сделала шаг в сторону. Сердце ее разрывалось от боли, она явно ощущала, что Ивану грозит опасность, когда и при каких обстоятельствах это произой-дет – она не знала, чувствовала только, что Иван в это время будет вдали от дома.

Иван ушел... Пройдя немного по переулку, он на мгнове-нье остановился и оглянулся – Роза стояла на прежнем ме-сте и махала брату рукой. Сердце парня встрепенулось, он с грустью посмотрел на сестру и крикнул:

– Ступай домой! Смотри, как метет... – и скрылся за сне-говой завесой.

Роза не думала уходить, она стояла посреди засыпанного снегом переулка и пристально смотрела брату вслед.

– Чего стоишь? – услышала она голос матери.

Девушка вздрогнула и оглянулась. Только сейчас она заметила, что с ног до головы запорошена снегом. Елизавета подошла к дочери, обняла ее за плечи и ласково произнесла:

– Пойдем, не ровен час – простынешь...

Роза склонила голову к плечу матери и молча побрела домой.

ГЛАВА 53

РАССТАВШИСЬ С СЕСТРОЙ, Иван поспешил в МТС. Дойдя до школы, он увидел Баренцева, ожидавшего его у кряжистого дуба. Леонид продрог, поэтому, увидев друга, особой радости не выказал.

– Я тебя уже минут пятнадцать ожидаю, ты что – проспал? – в сердцах произнес парень.

– Нет...

– Что тогда?

– Мать с сестрой концерт закатили.

Ленька с удивлением глянул на друга:

– В самом деле, чего вдруг?

– Кто их знает? Из дома не выпускали...

– Да ты что?

– А все Роза, не уезжай, говорит и так смотрит, что прямо душу выворачивает...

– Ну и дела, – покачал головой Баренцев, – хорошо, что выбрался, не то б я здесь в сосульку превратился, тебя дожидаясь...

Парни стали обсуждать предстоящую поездку и, проваливаясь по колено в снег, побрели в МТС. Порывистый ветер безжалостно трепал лохмотья снежных туч, продолжая встряхать из них снежное крошево.

– Ну и погода... – прикрывая лицо от снега высоким во-

ротом тулупа, заметил Леонид.

– Прямо как по заказу.

Баренцев окинул взглядом занесенную снегом округу и добавил:

– Не хочется в такую непогоду где-нибудь застрять...

– Не каркай! Главное, чтоб техника не подвела.

Парни дошли до машинно-тракторной станции, получили указания у бригадира и отправились в путь. Настроение у Ивана было испорчено. «Никогда еще мать и сестра меня так не провожали... – сидя за баранкой полуторки, размышлял парень. – Почему они так противились моему отъезду?»

– О чем ты думаешь? – зевнув, поинтересовался Леонид.

– Как вспомню прощальный взгляд сестры, так прямо в жар бросает... – задумчиво произнес Иван.

– Мало ли что дурехе в голову взбрело...

– Здесь что-то другое... Роза меня очень любит, поэтому не могу понять, почему просила меня остаться.

Иван заметил на дороге снеговой занос, переключил передачу и предупредил задремавшего друга:

– Как бы нам не застрять...

Баренцев открыл глаза, глянул на дорогу и ответил, что проскочат. Иван сбросил газ и через несколько метров остановился.

– Чего встал? – поинтересовался Ленька.

– Надо дорогу расчистить... – ответил напарник.

Парни выпрыгнули из кабины полуторки, взяли в кузове

лопаты и стали отбрасывать снег. Освободив проезд, они сели в машину и продолжили путь. Ближе к райцентру дорога стала более накатанной, и к обеду они благополучно добрались до лесозаготовки. Работа на деляне была в самом разгаре: люди пилили деревья, обрубали сучья, складировали древесину, остатки от рубки леса сгребали в кучи, большие суки использовали для отопления барачков и столовой, а готовый к отправке лес грузили на полуторки и вывозили на железнодорожную станцию. Хлысты, что тоньше, отбирали под сваи для шахт. «Работы хватает...» – окинув взглядом внушительную территорию деляны, подумал Иван.

– Надо спросить, где можно отметиться... – сказал он другу и подъехал к приземистой, почерневшей от времени, избушке, над входом которой красовалась табличка с надписью «Столовая».

«Как раз то, что нужно», – обрадовался Иван и, остановив машину, выпрыгнул из кабинки. Подойдя к дому, он обмел веником снег, налипший на валенки, открыл дверь и вошел внутрь. Помещение было просторное и слегка затемненное, слева от порога у маленького окна стоял потемневший от времени деревянный стол, заваленный бумагами. В центре избы в три ряда располагались дощатые столы и лавки, а у противоположной стены были организованы кухня и раздача. У закопченных котлов, гремя увесистыми черпаками, хлопотала повариха. Иван поздоровался с женщиной, осмотрелся и спросил:

– Извините, где можно найти начальника?

– Дмитрича, что ли? – не отрывая глаз от кастрюль, уточнила женщина.

Парень растерялся, так как имени начальника не знал.

– Его или кого другого... – ответил Иван.

Женщина бросила в пустое ведро половник и с нескрываемым интересом стала рассматривать новичка.

– Ты кто такой, что Дмитричем интересуешься? – улыбнулась незнакомка. – На объекте он за порядком следит. Ты, надо полагать, новенький?

– Да, – сконфузился парень.

Только сейчас он увидел, что перед ним стоит молодая симпатичная женщина, которую из-за ее пышных форм он принял за женщину более зрелого возраста. Заметив, что повариха бесцеремонно его рассматривает, Иван смутился и залился румянцем, словно барышня.

– Нам бы отметить... – пояснил парень. – Как выглядит ваш Дмитрич?

Стряпуха кокетливо улыбнулась и, воткнув в обшарпанную столешницу лезвие кухонного ножа, ответила:

– Солидный такой, с бородой и усами, с папкой...

– Понял. Когда он будет?

Женщина игриво повела бровью и, поправив на голове косынку, шутливо ответила:

– А что ему здесь делать? Его работа на деляне...

Иван взглянул на повариху и строго произнес:

– Гражданка, объясните мне, пожалуйста, где я могу найти вашего начальника.

Женщина перестала улыбаться и бросила на парня недружелюбный взгляд.

– Сказала же – он на объекте, ходите здесь, от работы отрываете...

Иван оторопел.

– Это я от работы отрываю? Я пытаюсь узнать, как найти начальство, а вы мне глазки строите!..

Слова парня подействовали на женщину, словно разорвавшаяся бомба... Незнакомка изменилась в лице, побагровела и, ударив кулаком по крышке стола, прокричала:

– Ты кто такой, чтоб нотации мне читать? А ну, ступай отсюда, пока цел... Тоже мне – герой нашелся!

– Малахольная! – в сердцах выпалил Иван и, хлопнув дверью, выбежал на улицу.

Баренцев увидел друга и повеселел.

– Наконец-то, я хотел тебя искать... Чего так долго – отметился?

– Отметишься тут... – сердито буркнул Иван и, ничего не объяснив, отправился на деляну.

Баренцев опешил, выглянул из кабины полуторки и, глядя другу вслед, крикнул:

– Ты куда?..

– Начальство искать!

– А мне что делать?

– Жди...

«Он в лес пошел, а меня машину караулить оставил, – на-супился Ленька, – пойду в столовую, может, что полезное узнаю». Парень выпрыгнул из полуторки и пошел в избу, настроение у него испортилось. «Похоже, нас здесь не ждали... – решил Баренцев. – Будет номер, если выяснится, что мы зря приехали». Парень вошел в дом и от резкого контраста в смене освещения прищурил глаза. «Не столовая, а конура какая-то...» – недовольно буркнул Леонид и, зацепившись за порог, едва не упал. Парень оперся рукой о косяк двери, осмотрелся и услышал, что в дальнем углу что-то звякнуло. Присмотревшись, он заметил женщину, хлопотавшую у закопченных котлов.

– Здравствуйте! – поздоровался Баренцев и с любопытством посмотрел на незнакомку.

– И тебе не хворать, – недружелюбно бросила повариха, – ты тоже Дмитрича ищешь?

Леонид окинул женщину оценивающим взглядом и, придя в восторг от ее соблазнительных форм, кокетливо произнес:

– Чего мне хворать? Силенок, слава Богу, хватает, да и сноровки не занимать. Районное начальство направило вам в помощь, чтобы повысить производительность труда. Принимаете?.. – парень улыбнулся кухарке той очаровательной обезоруживающей улыбкой, которая заставляла дрогнуть са-

мые неприступные женские сердца.

Повариха украдкой взглянула на парня, поправила на голове косынку и, сменив интонацию голоса, елеинно произнесла:

– И как вы собираетесь повышать производительность труда? – женщина оставила надоевшие ей котлы, вымыла руки и, сняв с гвоздя рушник, насухо вытерла их.

Баренцев посмотрел на красивые запястья незнакомки, и по его телу пробежала горячая волна. Он подошел к женщине и, как змей-искуситель, прошептал:

– Всеми возможными способами...

Повариха зарделась, словно маков цвет, подняла на него свои выразительные темно-синие, словно омуты, глаза и, хихикнув, спросила:

– И много вы знаете этих способов?

Баренцев наклонился к уху женщины и тихо прошептал:

– Очень...

Незнакомка слегка отстранилась от парня и игриво произнесла:

– Какой знаток нашелся...

В этот момент дверь избы от удара по ней ногой открылась и в дверном проеме обозначилась внушительная фигура мужчины. Кухарка в испуге отшатнулась от собеседника и стала греметь кастрюлями. Незнакомец злобно глянул на Баренцева и пробасил:

– Твоя колымага у крыльца стоит?

Леонид бросил на мужчину безразличный взгляд и, обращаясь к женщине, произнес:

– Скажи, красавица, чайку в вашем заведении подают?

Стряпуха сняла с плиты противень с горячими пампушками, поставила его на стол и на одном дыхании выпалила:

– Зачислят на довольствие, тогда и приходите, а сейчас – не мешайте работать!

Леонид искоса посмотрел на незнакомца и как бы невзначай заметил:

– Зачем же так грубо? Мне казалось, мы нашли общий язык... Вы, гражданин, тоже чайку хотите?

Незнакомец свирепо глянул на Баренцева и, сжав кулаки, процедил:

– Угадал.

– То-то, я гляжу, у вас физиономию от мороза перекосило... – съехидничал Ленька. – А разрешите узнать, почему вы оставили вверенный вам участок работы и прохлаждаетесь, в то время как ваши товарищи в поте лица трудятся над выполнением плана?

Верзила прямо зубами заскрежетал от неслыханной наглости.

– Ты кто такой?.. – схватив парня за грудки, проревел мужчина. – Смелый? Про Ваську Чалого слышал?

Леонид с ухмылкой посмотрел незнакомцу в глаза, высвободился из его цепких, словно клешни, рук и, поправив на груди полушубок, невозмутимо произнес:

– Так ты тот самый Чахлый!.. Извини, не признал...

Василий побагровел от злости.

– Что ты сказал? Кто чахлый – я?..

– Ну не я же, – усмехнулся Баренцев.

Парень взял с противня горячую пампушку и стал есть.

– Что?! – в гневе взревел ухажер поварихи. – А ну, иди сюда, сейчас я тебе объясню, кто из нас чахлый...

Леонид не ожидал такого поворота дела. В душе он пожалел, что связался с незнакомцем, но отступить было не в его правилах. «Достанется мне от Ваньки... – подумал парень. – Слово дал, что не буду задираться, а тут не успел приехать, как уже врага нажил». Не успел Баренцев сообразить, как ему выпутаться из создавшейся ситуации, как Василий со всего маха ударил его кулаком в челюсть. Удар был столь сильным, что Леонид отлетел, словно щепка, и распластался посреди избы. «Ничего себе!!!» – удивился парень.

– Василий, ты что? Ты же мог его убить... – переполошилась повариха и бросилась к пострадавшему.

– Ничего, оклемается, – злобно пробасил Чалый. – Смотри, Любка, узнаю, что этот хлюст около тебя крутится – прирежу!

Василий бросил на соперника негодующий взгляд и, уходя, добавил:

– Дружку своему передай, чтоб близко к поварихе не подходил!

– Испугал, как же... – промокнув кровь на распухшей гу-

бе, ухмыльнулся Баренцев.

Василий с трудом сдержал гнев, толкнул ногой входную дверь и вышел на улицу.

Не прошло и минуты, как в контору, запыхавшись, вбежал Дмитрич.

– Это что такое?.. – увидев на лице незнакомца кровь, возмутился мужчина. – Только поножовщины не хватало... Почему в столовой посторонние?

В этот момент в избу вошел Иван. Парень в изумлении посмотрел на друга и в растерянности произнес:

– А это, Феоктист Дмитриевич, один из лучших наших комсомольцев, можете положиться на него, как на себя...

Ленька виновато опустил голову и, стараясь не смотреть Ивану в глаза, промямлил:

– Точно, можете...

Дмитрич едва не поперхнулся.

– На кого – на тебя?.. Видел я, как на тебя можно положиться... Так живописно лежал среди столов – просто загляденье! Вот что, парни, мне проблемы не нужны, узнаю, что мутите воду – доложу, куда следует...

– Понятно, – кивнул Иван, – можете быть спокойны, больше мы Чахлого трогать не будем.

Повариха вытерла рушником кровь на лице Леонида и деликатно поправила:

– Не Чахлого, а Чалого...

– А что он за гусь такой, что вы его боитесь? – поинтересовался Варенков.

Начальник отвел парня в сторону, убедился, что кухарка не слышит и, склонившись к уху парня, прошептал:

– Из этих он... Понимаешь?

Иван в недоумении пожал плечами:

– Из каких таких? Говорите яснее...

Дмитрич обошел парня со спины и, склонившись к другому его уху, добавил:

– Какой ты непонятливый... Из тех, что сидели за колючей проволокой...

Парень в удивлении вздернул брови:

– Правда?

– Да.

– О чем вы шепчетесь? – разозлился Ленька. – Не успели приехать, как уже секреты...

– Подожди, тут вещи серьезные... – бросил ему Иван. – Если я вас, Феоктист Дмитриевич, правильно понял, значит, он недавно освободелся...

– Тсс... – переполошилс начальник. – Умоляю, говорите тише... – и многозначительно кивнул в сторону поварихи.

– Вы что – его боитесь? Вы ведь начальник, это не вы его, а он вас должен бояться... – возмутился Варенков.

– Так-то оно так... – замялся мужчина. – Только я начальник над незначительной частью здешних работников, остальные находятся под влиянием Чалого.

– Правда? – не поверил своим ушам Иван. – Как такое может быть, разве здесь не действуют законы социалистического общества?

Дмитрич тяжело вздохнул и снисходительно похлопал парня по плечу:

– Какие в лесу законы? Здесь тебе медведь лучший друг, чем эти... Что говорить, поработаете денек-другой – сами во всем разберетесь. Можете считать, что я вас предупредил.

Иван в недоумении посмотрел на начальника:

– Так он что – такой не один? Выкладывайте, надо же нам быть в курсе...

Дмитрич вздохнул и махнул рукой:

– Если бы один, а то ведь целая бригада, и все, как есть – головорезы...

Леонид внимательно наблюдал за собеседниками и сторал от любопытства, пытаясь расслышать, о чем они говорят. Наконец парень не выдержал и подошел к мужчинам.

– Я, конечно, извиняюсь, но думаю, что как комсомолец я имею право быть в курсе здешних проблем. Или я не прав? – парень вызывающе посмотрел на друга.

Варенков был вне себя от гнева, он не мог представить, как в столь короткое время Баренцев умудрился нажить себе врага. «Сам вляпался и меня в гнилую историю втянул», – подумал парень и, искоса глянув на Дмитрича, ответил:

– Ты уже наломал дров, так что – молчи...

– А что я, собственно, такого сделал? – взвился Леонид.

– Под нож себя подставил, вот что! – выпалил Дмитрич. – Ты чего к Любке привязался?

Леонид впился в мужчину темно-карими, словно плоды каштана, глазами и саркастически спросил:

– А что она у вас за особа такая, что с ней и поговорить нельзя?

Начальник схватил парня за ворот тулупа, привлек к себе и грозно произнес:

– Чалого она баба – запомни, не дай Бог тебе ей глазки строить, никто не защитит...

Ленька глянул на стряпуху и медленно, почти по слогам, произнес:

– Пле-вал я на ва-ше-го Ча-ло-го! Мне он не указ, тоже мне – героя нашли...

– Смотри, я предупредил, – ответил Дмитрич.

– Ладно, считайте, что информация принята к сведению, – сердито глядя на друга, произнес Иван, – отметьте нас, и приступим к работе...

– Пошли, – кивнул мужчина и сел за письменный стол. – Так вы, говорите, из Гущино приехали? – открыв потертый журнал, уточнил начальник. – Бывал я в ваших краях, точнее – в Доме отдыха. Красивейшее место: лес, река, лодочная станция, пруд с зеркальными карпами, ажурные беседки... Порыбачил я тогда вволю... Итак – с кого начнем? – взяв перьевую ручку и, обмакнув ее в чернильницу, заинтересовался мужчина.

– Варенков Иван Станиславович, – представился парень и протянул мужчине документы.

Начальник с нескрываемым интересом посмотрел на приглянувшегося ему парня.

– Станислав Варенков кем тебе приходится? – полюбопытствовал мужчина.

Иван смутился, а Леонид отрапортовал:

– Отец он ему – похож?

Иван недовольно глянул на напарника.

– Отец, говоришь... – задумчиво произнес Дмитрич. – Хороший мужик, он у нас две недели работал, сегодня утром уехал.

Иван огорчился, он рассчитывал, что застанет отца на лесозаготовке. Дмитрич сделал необходимую запись в журнале и внимательно посмотрел на парня.

– Похож, но это внешне, а по характеру как – такой же настырный и работающий?

От внимания Баренцева не ускользнуло, что начальник явно благоволит другу.

– Во всем копия отца! – бравурно заявил парень. – И ответственный такой же, и работающий, словом, мастер на все руки, потому нас сюда и прислали...

– Прекрати, Леонид! – осадил его Иван. – Тебя послушать, так только мы с тобой и работаем...

Начальник улыбнулся, его усы слегка дернулись и приподнялись концами вверх. Настроение Дмитрича улучшилось,

мужчина погладил рукой окладистую, черную, как у Карабаса-Барабаса, бороду, и произнес:

– Парни вы, я гляжу, brave, только не знаю – радоваться мне этому или огорчаться...

Ленька присел на край письменного стола и улыбнулся:

– Зачем огорчаться? Нас заставлять работать не надо, мы – люди сознательные, а то, что у вас народа всякого набрано, так то – не беда, у них своя свадьба, у нас – своя...

Дмитрич внимательно посмотрел на Баренцева и полюбоществовал:

– А ты кто таков? То, что ты друг Варенкова – я уже понял, а величать тебя как? Ваша фамилия, имя, отчество... – мужчина обмакнул перо ручки в чернильницу и приготовился записывать.

Ленька слез со стола, вытянулся перед начальником, как струна, и с артистичной выразительностью отрапортовал:

– Товарищ начальник, разрешите представиться – Леонид Игнатьевич Баренцев! Лучший работник МТС и образцово-показательный комсомолец.

– Кончай ломать комедию! – одернул его Иван. – Говори по делу...

Ленька игриво взглянул на друга.

– Чего скромничать? Лучший – он и есть лучший... Это я для того, чтобы товарищ начальник понимал, с кем имеет дело. Мы не какие-то там чахлые... Передовики – они и есть передовики...

Дмитрич покачал головой:

– Да, парень, хлебну я с тобой горя... Язык твой – враг твой... Я уже предупреждал тебя насчет Чалого – лучше тебе его не трогать, так всем спокойней будет, а на будущее запомни: лучше что-то не досказать, чем ляпнуть, а потом не знать, что делать. Здесь одно неосторожное слово может стоить человеку жизни. Из-за своей дурости ты сам можешь в беду попасть и друга своего погубить... Ты меня понял?

Ленька перестал улыбаться, отошел в сторону и обиженно буркнул:

– Понял...

– Вот и замечательно, – вздохнул мужчина, – а то я уже переживать стал.

Баренцев разгорячился:

– За нас? Не было случая, чтоб нас с Иваном кто одолел.

Повариха искоса глянула на парня и ухмыльнулась:

– Только к Чалому это не относится, вы ему на один зубок, ткнет пальцем – и нет вас, вся ваша спесь слетит, как кора с сухого дерева...

Баренцеву не понравилось замечание Любки, он многозначительно посмотрел на женщину и заносчиво заявил:

– Это мы посмотрим! Не таким рога обламывали...

Услышав это, Дмитрич поперхнулся.

– Да ты что, парень? Думай, что говоришь! – испуганно глянув на повариху, прошептал мужчина. – Это ж его зазноба, она все ему расскажет.

– Пусть рассказывает... – не обращая внимания на знаки, которые подавал ему начальник, заявил Баренцев. – Нам Чахлый не указ! Ферштейн?

Любка саркастично ухмыльнулась.

– Все, парни, я вас проинструктировал, принимайтесь за дело... – подытожил Дмитрич. – Ставлю вас с сегодняшнего дня на довольствие. Любовь Прохоровна, надо этих двух удалцов покормить, а как отобедаете – жду на деляне, будете возить лес на железнодорожную станцию. Задача ясна?

Парни переглянулись.

– У нас одна полуторка... – растерялся Иван.

– Вторая стоит в нашем гараже, – пояснил Дмитрич, – а кто из вас на какой ездить будет – решайте сами...

– Другое дело, – кивнул Иван.

– Ну, я пошел, а то ведь у нас глаз да глаз за всем нужен, стоит на секунду отвернуться – и уже перекур, и таких перекуров за день штук пятнадцать набирается, – Дмитрич вздохнул и пошел на деляну.

«Дела... – покачал головой Иван. – Кто б подумал, что здесь такое творится? Надо прислушаться к советам Дмитрича и постараться ни с кем не конфликтовать. Только как с Ленькой договоришься?.. Надо присматривать за ним, не то натворит дел, потом сам не рад будет». Парень украдкой глянул на друга, затем на суетившуюся возле котлов повариху и пригрозил:

– Не дури, Ленька...

Баренцев сделал вид, что не понял, о чем речь.

– Ты это о чем? – спросил парень.

– О том самом...

Баренцев сел за дощатый стол, изрядно потемневший от времени, и с невинностью младенца произнес:

– Садись, будем обедать... Гражданка, чем вы нас покормите?

Любка поставила перед парнями глубокие миски и налила в них щи.

– Это все?.. – ухмыльнулся Леонид.

– Съедите первое, принесу второе, – ответила женщина, – у нас не санаторий... Мужики наработаются на деляне, так не то, что щи – ложки грызть готовы!

Парни переглянулись, взяли с общей тарелки по румяной пампушке и стали есть.

У поварихи появилась возможность рассмотреть новичков. «Эти парни – не чета Васькиным головорезам, – мысленно отметила женщина, – мужики что надо, с любым из них хоть сегодня бы под венец пошла. Как же, размечталась, можно подумать, Чалый мне это позволит...» От этих мыслей на душе у женщины заскребли кошки, она понимала, что сама виновата в том, что происходит в ее жизни, и прекрасно сознавала, что изменить ситуацию будет сложно. «Писанные красавцы, – продолжая рассматривать новичков, мысленно отметила женщина, – принесла их нелегкая...

У кого ума хватило прислать сюда таких орлов? Будто не знают, что здесь творится... Эх, ребята, ехали б вы отсюда по-доброму-поздорову, не место вам здесь». Любка заметила, что парни съели щи, и как бы невзначай поинтересовалась:

– Понравились?

– Очень! Всю жизнь бы ел такие щи, – облизав ложку, ответил Леонид, – у вас всегда так вкусно кормят?

Женщине приятно было слышать похвалу в свой адрес, она слегка запрокинула голову и, зардевшись, произнесла:

– Стали б меня здесь держать, если б я готовить не умела. У нас с этим строго... Работа на лесозаготовке тяжелая, если мужиков как следует не накормить, через день взбунтуют, а мы здесь лес для шахт заготавливаем...

– Вон оно как... – многозначительно произнес Баренцев. – Мы не знали...

– Теперь знаете, – ответила повариха и поставила на стол тарелки с отварным картофелем и жареной рыбой.

– Вот это да! – присвистнул Иван. – Откуда такое богатство?

– Мужики из местной артели подсуетились, прислали с обозом...

– Вещь... – сглотнул слюну Леонид. – И что – частенько вас так балуют? – парень игриво глянул на женщину.

– Считайте, что вам повезло, – улыбнулась стряпуха, – так сказать, предновогодний подарок.

Ребята налегли на рыбу, и вскоре от нее остались голые

хребты и кости. Поблагодарив повариху за сытный обед, парни вышли из столовой и пошли на деляну.

ГЛАВА 54

С ТЕХ ПОР, как уехал Иван, в сердце Розы поселилась тревога. Что бы она ни делала – мысли о брате занимали ее внимание, девушка стала рассеянной и задумчивой, ее глаза потускнели, и в них запечатлелась глубокая печаль. Это бросилось в глаза окружающим, больше всех недоумевала Анастасия. Как-то вечером на репетиции спектакля к новогоднему празднику девушка поинтересовалась у подруги, все ли в порядке. Роза отвела взгляд и ответила, что просто нет настроения.

– Мне кажется, ты что-то недоговариваешь... – заметила Настя. – Может, расскажешь, что случилось?

Роза уткнулась глазами в пол и промолчала, она не знала, сможет ли одноклассница ее понять.

– Могу я чем-нибудь помочь? – поинтересовалась Настя.

Коржакова стрельнула глазами на Варенкову и заявила, что причина грусти девушки в том, что она влюбилась.

– Хочешь, угадаю в кого? – выпалила Тамара. – В Леньку Баренцева!

– Замолчи! – одернула ее Настя.

Коржакова в изумлении глянула на подругу – в жизни не было, чтобы девушка разговаривала с ней в таком тоне.

– Ты чего? – опешила Тамара.

– Уйди... – гневно произнесла Настя.

– Ой-ей-ей, какие мы нежные... – фыркнула Тамара, взяла новогоднюю стенгазету и стала ее рассматривать.

– Не обращай внимания, вечно сует нос не в свои дела... – махнула рукой Настя.

Роза едва сдерживала слезы, бесцеремонность Коржаковой ранила ее до глубины души.

– Причем здесь Ленька? Я за брата беспокоюсь, – призналась девушка.

– Почему? Насколько я знаю, он жив и здоров...

– Как уехал на лесозаготовку – места себе не нахожу...

– Поэтому ты такая печальная?

– Да, – кивнула Роза, глаза девушки заволокли слезы, приступ гнетущей тоски, словно тисками, сжал ее сердце.

– Не расстраивайся, все будет хорошо, – подбодрила подругу Настя.

Коржакова с ревностью глянула на одноклассниц. Ее задело, что девушки не хотят с ней разговаривать.

– У близких людей не должно быть секретов, – с обидой произнесла девушка, – раз мы дружим, то не должно быть недомолвок.

– Верно, – ответила Настя, – к близким людям нужно относиться бережно и не бросать им в глаза колкости.

– Подумаешь – уже и сказать ничего нельзя... – фыркнула Тамара.

В этот момент в актовый зал вошла Гурьева. Женщина придирчивым взглядом осмотрела декорации к спектаклю

и сказала ученикам подняться на сцену.

– Продолжаем репетицию, – заявила завуч. – На чем мы остановились?..

– На эпизоде, когда колонизатор наказывает раба... – напомнил Стригунок.

– Верно, вспоминайте реплики, начинаем...

– Пошли, – кивнула подругам Настя и поднялась на сцену.

Репетиция продолжалась до позднего вечера. Гурьева требовала от старшеклассников максимального вхождения в роли. Стригунок, игравший негр-итенка-раба, перепачканный печной сажой, то и дело падал на сцену, изображая изможденного трудом пролетария Африки. К концу генеральной репетиции бедра и руки парня были в синяках, но завуч по-прежнему не устраивало, как он играет свою роль. Женщина дождалась окончания мизансцены и, негодуя, заявила:

– Кто так падает?.. Тебя безжалостно хлещет кнутом работодатель, какое выражение лица у тебя должно быть?

– Потерянное... – буркнул Юрка.

Парень поднялся с пола и сел на перевернутый плетеный короб, служивший декорацией. – Надоело падать, все бока горят... Можно я тулуп на пол брошу?

Гурьева негодовала:

– Ты понимаешь, что перед тобой безжалостный эксплуататор? – женщина указала на Селистратова, игравшего роль английского колонизатора. – Это твой заклятый враг, как ты должен на него смотреть?

– С ненавистью, – отчеканил Стригунок.

– Правильно, а ты как смотришь?

Парень понурил голову.

– Ты должен смотреть на него с пролетарской ненавистью, как если бы хотел его убить.

От этих слов Селистратов съежился и спрятался за женщину.

– Понял? – спросила Гурьева.

– Понял, – кивнул Стригунок.

– Давайте еще разок...

Ребята нехотя заняли места на сцене.

«Вот пристала... – ворчала Тамара. – Третий час гоняет...

То руку подняли не так, то интонация голоса ей не нравится, то посмотрим не так... Взяла бы и сыграла сама...» Девушка водрузила себе на голову плетеную корзину с овечьей шерстью, имитировавшей хлопок, и, поддерживая её рукой, пошла за Юркой по сцене...

– Хорошо... – одобрила завуч. – Появляется колонизатор... Селистратов, твой выход... Доходите до середины сцены, и здесь негритенок оступается и падает... Селистратов, подбегаешь к рабу и бьешь его плетью по спине. Стригунов – закрываешься от ударов истязателя руками и с ненавистью смотришь на него... Молодцы, сегодня все. Напоминаю – эта репетиция последняя, 30-го декабря у нас спектакль, выучите слова, чтоб от зубов отскакивали...

– Понятно, – кивнул Селистратов, – можно идти?

– Ступайте, – Гурьева собрала листки сценария, разбросанные на столе перед сценой, и вышла из комнаты, за ней актовый зал покинули актеры.

Дорогой домой девчата вернулись к прежнему разговору, мнения подруг разделились. Зинаида серьезно отнеслась к опасениям Розы, а Тамара и Анастасия считали, что девушка себя накручивает.

– Выбрось чепуху из головы, – посоветовала Тамара, – ничего с Иваном не случится, сколько раз уезжал из дома – и ничего, и на этот раз обойдется...

– Действительно, – кивнула Настя, – постарайся отвлечься, не нагнетай страсти там, где их не может быть.

Розе было обидно слышать это от подруг.

– Как вы не понимаете?.. – в отчаянии произнесла девушка. – Мое сердце обмирает, когда я думаю о брате.

– Отстаньте от нее! – заступилась за одноклассницу Зинаида. – Может, она предчувствует что-нибудь, Иван – ее брат, не удивительно, что Роза беспокоится. Моя бабушка советует обращать внимание на импульсы души...

– Причем здесь твоя бабка? Мы о Розе говорим, – возмутилась Тамара.

– Девчонки, не ссорьтесь... – вмешалась Фаина. – Жизнь покажет, кто прав, пока ничего плохого не произошло, и ладно...

Девушка подошла к Розе, обняла ее и сказала, чтоб подруга не беспокоилась.

– В жизни все идет к лучшему... – подбодрила одноклассницу Рудакова.

– Угу, – кивнула Роза, – только на сердце все равно тревожно.

– Неисправимая... – покачала головой Коржакова.

Девчата попрощались и пошли домой, каждая осталась при своем мнении. Роза вернулась домой, поужинала и легла спать, но уснуть не могла. Мрачные мысли не давали девушке покоя.

Елизавета приглушила свет керосиновой лампы, освещавшей комнату, и села пряхть шерсть. Время от времени она взволнованно поглядывала на дочь, беспокоясь, не заболела ли она... Чтобы проверить свое предположение, женщина отложила работу и подошла к кровати девушки.

– Доченька, тебе нездоровится? – спросила женщина.

Роза не ответила, девушка металась по постели и тихо стонала. Елизавета дотронулась до лба дочери и, ощутив испарину на ее коже, побежала за полотенцем. Взяв льняной рушник, хозяйка смочила его в воде и, отжав, протерла лицо и грудь девушки. Некоторое время Роза вела себя спокойно.

– Слава Богу... – вздохнула Елизавета и погладила дочку по распушенным волосам.

«Может, простыла?» – подумала женщина. Ее мысли прервал стон дочери. Хозяйка склонилась над постелью девушки и с тревогой всмотрелась в ее бледное лицо. «Не пой-

му, что с ней? Со дня отъезда Ивана девочку не узнать, то о чем-то думает и молчит, то забьется в угол и плачет...» Женщина с тревогой посмотрела на дочь и заметила, что девушка во сне дернулась и, не открывая глаз, прокричала:

– Не убивай его, не надо!!!

Елизавета попыталась разбудить Розу, но она не реагировала.

– Что же это такое? – перепугалась Елизавета. – Станислав! С Розой что-то неладное творится... – окликнула она мужа.

Хозяин открыл глаза и, зевнув, спросил:

– Что случилось?

– Роза бредит... – взволнованно произнесла женщина и прослезилась.

– Чего реवेशь? Слезами горю не поможешь...

Елизавета глянула на мужа и произнесла:

– Может она – того?..

– Что?

– Умирает...

– С чего ты взяла? – переполошился мужчина и подбежал к дочери.

Шум в доме разбудил Панкрата. Мужчина отдернул цветную занавеску, отгораживавшую его кровать от общей комнаты, и поинтересовался, что случилось.

Елизавета глянула на брата и, всхлипнув, запричитала:

– Роза умирает...

Станислав в испуге глянул на жену, склонился над дочерью и прислушался к ее дыханию.

– Надо же, как тяжело дышит... – разволновался мужчина. – Вся постель мокрая, словно ее водой окатили.

Панкрат подошел к постели племянницы и посмотрел на девушку.

– Заболела?.. – с тревогой произнес мужчина.

– Стонет и мечется, а температуры нет, – в отчаянье произнесла хозяйка.

– Худо дело... – покачал головой Панкрат и стал спешно одеваться.

Елизавета увидела, что брат набросил тулуп, и поинтересовалась, куда он собрался.

– К Головановой, – объяснил мужчина, взял ушанку и направился к двери.

– Подожди, вместе пойдем... – остановил его Станислав.

Мужчина быстро оделся и последовал за родственником.

Оставшись с дочерью наедине, Елизавета не находила себе места. Перед ней на кровати в беспомощности лежала Роза, а как помочь ей – женщина не знала... Хозяйка закрыла ладонями лицо и заплакала:

– Доченька, не покидай нас!.. – но девушка ее не слышала, сознание Розы блуждало в мире снов, пытаясь отыскать душу брата.

Входная дверь тихо скрипнула, и в дом вошла Федосья.

– Как она?.. – поинтересовалась знахарка.

Женщина склонилась над Розой, взяла ее за запястье и прощупала пульс.

– Прости, Елизавета, мне надо понять, что происходит с твоей дочерью... – пояснила знахарка и, не дожидаясь ответа женщины, взяла хозяйку под локоток и отвела в сторону.

Федосья села на край кровати девушки, раскрыла ее сомкнутые веки и, посветив над ее лицом фонарем, заглянула Розе в глаза.

– Она спит, – произнесла старуха.

– Ты уверена? – спросила хозяйка.

– Абсолютно!

– Почему же она так мечется?..

Голованова положила убеленную сединой голову на грудь девушки и прислушалась к биению ее сердца.

– Спит... Только очень крепко, один Бог знает, где витает ее душа...

Станислав с облегчением вздохнул.

– Почему она такая холодная и бледная? – поинтересовался мужчина.

– Ее душа где-то далеко, с телом ее связывает незримая нить, тронь ее грубо – и оборвется, поэтому не шумите...

Станислав недоверчиво посмотрел на знахарку и подумал: «Что она говорит? Старая стала, совсем ума лишилась...» Голованова положила свою ладонь на холодный покрытый

испаринной лоб девушки и прикрыла свои глаза.

«Уснула... – ахнул Варенков. – Зачем мы ее позвали? Надо было дожидаться утра и везти Розу в больницу». Знахарка сидела у постели Розы с закрытыми глазами и внутренним взором наблюдала за странствиями души девушки в мире снов.

– Ложитесь, я подежурю возле нее, – устало произнесла Федосья, – хочу узнать, что терзает душу вашей девочки, но черная мгла мешает... Душа Розы где-то за ней, я чувствую ее, но не вижу...

Станислав подозрительно посмотрел на знахарку. «Точно не в себе... – подумал мужчина. – Что годы делают с людьми, а ведь была умная женщина, все село к ней за помощью обращалось, без нее ни роды, ни свадьбы не проходили, со всеми вопросами к ней шли, а теперь состарилась и умом тронулась, про душу говорит... Кто ее видел? Никто, сказки все это...»

Хозяева прислушались к совету знахарки и решили отдохнуть, но заснуть не смогли. Голованова дежурила у постели Розы всю ночь и не на шутку обеспокоилась душевным состоянием девушки. «Что ее так тревожит? – терялась в догадках женщина. – Болезни в ней нет, тогда в чем дело?..» Федосья снова и снова прислушивалась к биению сердца девушки и в недоумении пожимала плечами. Елизавета подошла к знахарке и поинтересовалась, есть ли изменения в состоянии дочери. Голованова в растерянности по-

смотрела на хозяйку.

– Нет, – с грустью ответила женщина, – дыхание ее мне не нравится...

– Почему?

– Беспокоит ее что-то... Нелегко ей будет, на такую красоту много охотников найдется... Не знаю – завидовать вам или жалеть...

– И не говори... – вздохнула Елизавета. – Такую красоту еще уберечь надо...

За разговорами женщины не заметили, как наступило утро. Станислав и Панкрат, отмаявшись всю ночь, занялись домашними делами, мысли о Розе не давали мужчинам покоя. Голованова призвала все свое знахарское мастерство, чтобы привести девушку в чувства, хотя понимала, что действует вопреки ее воле. Окуриив девушку травами и произнеся над ней ряд заклинаний, знахарка приказала Елизавете не будить дочь.

– Она должна сама проснуться, – предупредила Федосья, – как очнется – ни о чем ее не спрашивайте, захочет – сама расскажет, я схожу домой, сделаю, что нужно, и вернусь.

Женщина сняла с вешалки тулуп, надела его и собралась уходить. Панкрат заметил это и разволновался:

– Ты бы поскорее там, знаешь, как бывает: пока есть, кому помочь – ничего плохого не происходит, а как рядом такого человека не оказывается – обязательно что-нибудь происхо-

дит.

Голованова задумалась над словами мужчины, она на самом деле не знала, что может произойти в ее отсутствие.

– Не шумите и громко не разговаривайте, – посоветовала женщина, – пусть спит, для нее любой резкий звук может быть губительным.

– Хорошо, – кивнул Панкрат, – стало быть, ты советуешь не будить...

– Ни в коем случае!

– А разговаривать с ней можно?

– Можно, только тихо и доброжелательно.

Панкрат взял стул и поставил у кровати племянницы. Мужчине было невероятно жаль девушку, он склонился над Розой и с тревогой посмотрел ей в лицо. Девушка вздрогнула, села на кровати и, не открывая глаз, стала бить Панкрата.

– Не трогай, отойди от него!!! – в беспамятстве кричала девушка и, схватив родственника за чуб, потянула на себя. – Вот тебе, вот!.. Не тронь моего брата, слышишь?!

Мужчина взвыл от боли и попытался высвободиться, но девушка мертвой хваткой вцепилась в его волосы, не желая отпускать.

– Отстань... – простонал Панкрат, помня наставление знахарки, что шуметь и грубо разговаривать с девушкой нельзя. – Что вы стоите? Сделайте что-нибудь... – взмолился мужчина.

Елизавета вышла из оцепенения и бросилась выручать

брата.

– Доченька, отпусти его, это твой дядя... – дрогнувшим голосом произнесла женщина и попыталась разжать кулак девушки, но Роза не реагировала и продолжала мутузить родственника.

– Вон оно что... – кивнула старуха. – Она за брата беспокоится. Кстати, где он?

– Уехал, – пытаюсь оторвать руку дочери от чуба Панкрата, ответила хозяйка.

– Куда?

– На лесозаготовку.

– Ага... – знахарка подошла к кровати Розы и впилась в нее своими черными, словно угли, глазами.

Девушка несколько раз дернулась, потом затихла и обмякла. Елизавета и Панкрат в изумлении посмотрели на старуху.

– Что ты сделала?.. – оторопел мужчина.

– Успокоила, – ответила знахарка.

– А почему раньше этого не делала?

– Не могла, навредить боялась... – Федосья надела тулуп и собралась уходить.

Елизавета и Панкрат в растерянности переглянулись.

– Ты уходишь?.. – опешил Станислав. – Что, если Роза снова начнет бредить?

– Делайте все, как я велела, и все обойдется, – ответила Голованова.

Варенковы проводили Федосью и выполнили ее требова-

ния.

Роза проспала до обеда и, открыв глаза, спросила:

– Жив ли Иван?

Елизавета едва дар речи не потеряла. «Неужели сыну угрожает опасность?» – побледнела женщина и решила срочно ехать на лесозаготовку. Хозяйка поделилась своими мыслями с мужем, но Станислав даже слышать ничего не желал. Елизавета попыталась отвлечься от плохих мыслей, загрузив себя домашней работой, но и это не помогло. «Неизвестность – хуже всего», – подумала женщина и решила узнать у дочери, что она видела во сне... Роза сидела на лавке у окна и бесцельно смотрела куда-то вдаль. «Где витают ее мысли? – подумала хозяйка. – Много бы отдала, чтобы узнать, о чем она думает». Женщина подошла к дочери и погладила ее по вьющимся волосам:

– Что ты сидишь? Шла бы, погуляла... – ласково произнесла хозяйка.

Роза перевела взгляд с заснеженной равнины на мать и с апатией произнесла:

– Не хочу...

Елизавета села рядом с дочерью, обняла ее и поцеловала.

– Что случилось? На тебе лица нет... – произнесла женщина.

Роза посмотрела на мать. Девушке невыносимо было носить в себе эту тяжесть, ей необходимо было с кем-нибудь

поделитьсяся.

– Можете считать меня сумасшедшей, но Ивану угрожает опасность, – со слезами на глазах произнесла девушка.

Елизавета в испуге глянула на дочь:

– Откуда тебе это известно?

– Во сне я видела, что Ивана хотели убить...

– Это только сон... Кто и за что может желать Ивану зла?

Роза была в отчаянье, она не знала, как объяснить матери, что ее тревоги не беспочвенны.

– Я видела все, как наяву, – попыталась объяснить девушка, – ощущала все столь же реально, как в жизни, и боль Ивана от вонзенного в спину кинжала ощущала, как свою. Это не шутки – понимаешь? Ивана хотят убить!..

Елизавета оторопела, она столь явно ощутила тревогу дочери, что готова была тут же ехать к сыну. Мать и дочь сидели у окна и думали, как добраться до лесозаготовки. Елизавета посоветовала дочери успокоиться и прилечь отдохнуть, сама поспешила к мужу. Станислав чистил жернова, когда в пристройку, где он работал, запыхавшись, вбежала жена. Мужчина посмотрел на хозяйку и поинтересовался, что произошло.

– Ты как хочешь, а я еду к сыну! – решительно заявила женщина.

– Когда ты это надумала?

– Только что...

– Seriously?

– Абсолютно.

– Тогда надо ехать, – ответил Станислав, – чем смотреть, как вы с Розой изводитеесь в неведении, лучше съездить и убедиться, что у Ивана все нормально. Только одно условие – поедем мы с Панкратом, а ты с дочерью останешься дома.

– Может, меня возьмете?

– Нет, оставайся дома и присмотри за Розой.

– Хорошо, – согласилась Елизавета.

Женщина с благодарностью посмотрела на мужа, и в ее душе зародилась надежда, что все будет хорошо. «А как иначе? – подумала женщина, – разве с Иваном может произойти что-то плохое? Ведь мы его так любим...»

ГЛАВА 55

ПОЛУЧИВ НЕОБХОДИМУЮ медицинскую помощь, Епифан окреп и стал думать о выписке из больницы. Мужчина так истосковался по родным, что решил дожидаться главврача и сказать ему, что выписывается. «Первую помощь оказали – и ладно, – рассуждал счетовод, – дома и стены лечат...» Едва он так подумал, как дверь палаты открылась, и в комнату вошел Симонян. Мужчина окинул помещение придирчивым взглядом и дал распоряжение медсестре поставить кровати пациентов плотнее, чтоб освободить место для размещения тяжелобольного.

– Придется вам, товарищи, потесниться, – пояснил мужчина, – больных много, так что приходится каждую палату наполнять максимально...

– Так может, меня выпишете? – предложил Бортников.

Симонян подошел к мужчине и поинтересовался у медсестры, когда делали последнюю перевязку.

– Утром, – ответила женщина.

– Разбинтуйте!

Медсестра подошла к Епифану и стала снимать бинты. Симонян внимательно осмотрел Бортникова и поинтересовался, как он себя чувствует.

– Значительно лучше, – ответил мужчина.

– Хорошо, – кивнул главврач, – только домой вам еще ра-

новато.

– Но, товарищ главврач... – попробовал возразить Епифан.

– Никаких «но», с такими ранами не шутят... Не везет вам, гущинцам...

Епифан насторожился.

– Еще кто-то от волчьих клыков пострадал? – поинтересовался мужчина.

– Нет.

– Тогда что?

– Ножевое ранение.

– У кого?

– Ивана Варенкова знаете?

– Что? – разволновался Бортников. – Неужто у кого из земляков рука поднялась?

– Мне об этом ничего не известно, – хмуро произнес Симонян, – знаю только, что ведется расследование...

Мужчина осмотрел пациентов палаты и, дав распоряжения медсестре, вышел. Женщина сходила за медикаментами и стала делать Епифану перевязку. «Интересно, знают ли об этом в деревне? – переживал мужчина. – Хорошо, хоть живой...» Бортников заерзал, медсестра строго на него посмотрела и сделала замечание:

– Не дергайтесь, вы мешаете бинтовать...

Епифан схватил женщину за руку и, глядя ей в глаза, проникновенно произнес:

– Сестричка, милая, очень тебя прошу, выполни мою просьбу...

Женщина отдернула свою руку и поинтересовалась, какую.

– Милая... – взволнованно произнес мужчина.

– Я вам не милая!

– Дорогая...

– Я вам не дорогая! Товарищ больной, если вы не прекратите, я позову главврача.

Епифан растерялся. «Как мне ей объяснить, что мне надо позвонить Гладкову?»

– Уважаемая, – думая, что наконец нашел подходящее обращение, произнес Бортников. – Не могли бы вы сообщить о случившемся председателю райисполкома? Очень нужно...

– Думаю, товарищ Гладков уже в курсе...

– Сестричка, милая... – взмолился Епифан и тут же, испугавшись, что женщина поймет его не правильно, осекся.

– Я вам не милая! – сердито заявила медсестра. – Говорите по существу...

– Товарищ медсестра, – заявил Бортников, – помогите дозвониться до председателя райисполкома, век благодарен буду.

Женщина закончила перевязку и пристально посмотрела на Бортникова.

– Помогу, если впредь не будете допекать меня своими

комплиментами...

– Разве я их говорил? – опешил Епифан. – Я и в мыслях подобного не держал...

– Да?.. – ухмыльнулась женщина. – Так вот, я вам не милочка, не душечка, а товарищ медсестра. Понятно? – женщина окинула строгим взглядом палату.

– Товарищ – так товарищ, – вздохнул Епифан, – только помощи...

– Хорошо, – согласилась медсестра, – что ему сказать?..

– Попросите товарища Гладкова сообщить о случившемся Дубову.

– Дубову?

– Да, – кивнул Бортников.

– Хорошо, и для этого вовсе не обязательно называть меня милой...

– Понял я, понял, – махнул рукой Епифан.

– Так-то! – горделиво заявила женщина. – Много вас здесь, желающих записаться в ухажеры, а я, между прочим, замужем...

Медсестра взяла лоток с лекарствами и пошла к двери.

– Дуреха... – проводив женщину взглядом, произнес счетовод.

– Что вы сказали? – дойдя до двери палаты, спросила медсестра.

– Спасибо, говорю, сестричка! – выразительно произнес Епифан.

– Не за что, – ответила женщина и вышла из комнаты.

Едва медсестра скрылась за дверью, как пациенты засыпали Бортникова вопросами, кто такой Варенков и за что его хотели убить?

– Душа парень, – ответил Елифан, – комсомолец, активист, первый парень на деревне... Ума не приложу, кому он мог насолить.

– Так, может, он у вас того?.. – подмигнул сосед по палате.

– Что того?

– До чужих баб охотник?

Счетовод в изумлении глянул на мужчину:

– Ты что, как тебе такое в голову могло прийти? Говорю же – отличный парень, золотые руки...

– Вон оно как... – задумчиво произнес сосед.

В этот момент в комнату в сопровождении санитаров вошла медсестра и распорядилась, чтобы у входа в палату поставили дополнительную кровать.

– Что – уже прооперировали?.. – поинтересовался Бортников.

– Да, – ответила медсестра и пошла в операционную.

ГЛАВА 56

Дубов завершил дела на скотном дворе, вернулся в контору и не успел раздеться, как услышал, что у крыльца здания остановилась машина. «Кто это к нам пожаловал?» – задумался председатель и глянул в окно – у избы стояла запорошенная снегом эмка. «Похоже, Gladков, – подумал Петр, – охота ему в такой мороз по району колесить...» За дверью послышались шаги, и в дом вошел председатель райисполкома, с ним мужчина средних лет в черном пальто.

– Добрый день! – поздоровался Gladков. – Гостей принимаете?.. – председатель райисполкома искоса глянул на спутника.

«Что за птица?..» – насторожился Дубов. Петр поздоровался за руку с руководителем и глянул на незнакомца. «Похоже, чекист», – решил мужчина. Gladков заметил замешательство председателя колхоза и представил незнакомца:

– Стольников Евграф Денисович, сотрудник спецотдела московского НКВД.

Слова председателя райисполкома прозвучали, как выстрел. «И до меня добрались...» – похолодел Петр. Незнакомец бесцеремонно рассматривал мужчину, словно перед ним стоял не человек, а музейный экспонат. «Ничего себе – взглядик... – стараясь не выказывать волнения, мысленно отметил Петр. – Такое ощущение, что насквозь видит, уме-

ют в НКВД подбирать себе кадры...»

– Добро пожаловать, – вслух произнес мужчина, – гостям всегда рады, особенно если они из белокаменной...

Председатель райисполкома и незнакомец переглянулись.

– Как здоровье? – поинтересовался Гладков.

– Спасибо, не жалуюсь. Присаживайтесь, в ногах правды нет.

– За ней-то мы к вам и приехали... – произнес чекист.

– Вот как? – насторожился Дубов.

Гладков снял кожанку, повесил ее на вешалку у входа и заметил, что в доме тепло, как в бане.

– Что же нам – мерзнуть?.. – смутился Дубов.

– Зачем? Советской власти нужны здоровые кадры, – улыбнулся Гладков и, приняв пальто у Стольниковова, повесил рядом с кожанкой. – Да, чтоб не забыть... В машине сидит шофер, напоите его чайком...

– Сделаем, – кивнул Петр и, толкнув дверь в смежную комнату, дал распоряжение секретарю правления, чтоб позвал парня.

– Хорошо, – ответил Николайчук и, отложив книгу учета, отправился выполнять поручение председателя.

Дубов подошел к письменному столу и поинтересовался, что привело мужчин в Гущино.

– Есть одна проблема, которую мы надеемся решить с вашей помощью, – пояснил чекист.

– Весь во внимании... – ответил Петр.

Незнакомец дождался, когда председатель колхоза договаривает, и перешел к делу.

– Нам стало известно, что вы и еще несколько человек вашего района встретились недавно со странным существом...

Дубов ожидал услышать что угодно, только не это. «Как они об этом узнали? – опешил мужчина. – Может, Шарковский или кто из его свиты проговорился? Вполне возможно...»

Москвич не сводил глаз с главы колхоза.

– Было такое, – признался Дубов, – только вряд ли я буду вам полезен...

– Отчего же? Нам важно мнение каждого свидетеля. Как показывает практика, одно и то же событие люди воспринимают по-разному...

Дубов недоверчиво глянул на гостя, чекист был спокоен и сосредоточен.

– Так-то оно так, только что я могу добавить к тому, что уже известно?.. – замялся Петр.

– Важно знать все: когда и где это было, как выглядело существо, каковы были ваши ощущения до, во время и после встречи с ним. Возможно, у вас состоялся с ним словесный или мысленный диалог... Одним словом, расскажите все, что знаете...

«Ничего себе задачка... – растерялся Дубов. – Как я опишу, что пережил в тот день?»

– Я понимаю, что задача не из легких, – продолжил че-

кист, – чтобы вам было проще – забудьте, откуда я приехал, и расскажите все так, как если бы беседовали со своим лучшим другом...

Дубов недоверчиво посмотрел на Стольников. «Может, он неплохой человек... – подумал мужчина. – Что из того, что служит в НКВД? Там разные люди есть. Похоже, он на самом деле интересуется лесным человеком, надо помочь ему, не могут же ученые знать все досконально об этом мире. Наверняка есть в природе что-нибудь такое, о чем наука и не помышляла...»

Стольников раскрыл планшет, достал из кармана пиджака карандаш и приготовился записывать.

– Хорошо, – согласился Петр. – Расскажу все, как было. Только я человек простой, говорить складно не умею, поэтому задавайте вопросы, постараюсь на них ответить...

– Договорились, – кивнул чекист. – Итак, когда это произошло?

Дубов задумался...

– Недели три назад.

– Число помните?

– Затрудняюсь точно ответить.

– Ладно, посмотрим по календарю. В котором часу произошла встреча?

– Точно сказать не могу, ближе к вечеру...

– А конкретней?..

– На часы я тогда не смотрел, ехали себе и ехали... Вдруг,

Буян встал посреди дороги и ни с места... Мы с Василием его и так, и этак уговаривали – стоит, как вкопанный, ушами стришет и головой по сторонам крутит...

– Буян – это, как я понял, ваш конь, а Василий – конюх...

– Да.

– Где именно остановился конь?

– Фактически там, где мы с Епифаном убили волчицу...

– Значит, с вами был еще Епифан? – уточнил чекист.

– Нет, он был, когда мы ехали в город, а когда возвращались, его уже не было, – пояснил председатель.

– А куда он подевался, как фамилия вашего товарища?

– Епифан Ильич Бортников, наш колхозный счетовод, мы с Василием вынуждены были оставить его в больнице, так как по дороге в город его покусала волчица...

– Значит, по дороге в город на вас напала волчица? – уточнил гость.

– Не одна, а целая волчья стая, мы едва отбились...

– И как вам это удалось?

– Сам не знаю, если бы не... – Дубов замолчал и отвел взгляд.

Чекист заметил замешательство мужчины.

«Елки, чуть не проговорился, – спохватился Петр, – нельзя говорить о винтовке, неизвестно, как это аукнется...»

Чекист положил на стол карандаш и пристально посмотрел на Дубова.

– Вы сказали, если бы не... что? У вас было оружие, ка-

кое?

Дубов понял, что попался.

– Как вам удалось убить волчицу? – спросил чекист.

– Василий хлестал волков кнутом, не давая им приблизиться к коню, а волчицу я убил ножом, когда она прыгнула в сани... – схитрил Дубов.

– Значит, ножом?.. – пристально глядя на главу колхоза, уточнил Стольников.

– Да.

– Допустим, что дальше?

– Епифана мы отвезли в больницу, дождались результата врачебного осмотра и в составе воинской колонны двинулись в обратный путь. Проехали часть пути, выехали на поле, конь заржал и остановился, прибежал солдат из полуторки, следовавшей за нами, и стал кричать, что мы перегородили путь...

– Что вы сделали?

– Попытались отвести коня в сторону, но ничего не вышло, солдат рассердился и выстрелил – Буян испугался и убежал в лес, тогда-то все и началось...

– Что именно?..

– Светопреставление, – и Дубов во всех подробностях рассказал гостю, что произошло в тот злополучный вечер.

Гладков и Стольников не верили собственным ушам.

– Как это может быть? – недоумевал председатель райисполкома, недоверчиво поглядывая на рассказчика.

«Может, на этот раз удастся напасть на след лесного человека...» – тешил себя надеждой чекист.

Дубов старался не упустить ни одной детали, которая могла быть полезной москвичу. Председатель понимал, что из-за ерунды сотрудник НКВД в такую глушь не приехал бы.

– Вот и все, – закончил рассказ Петр.

– Так вы утверждаете, что это был не зверь? – уточнил чекист.

– Однозначно. Это существо, чем-то похоже на человека, только значительно выше и крупнее телосложением, к тому же, сплошь покрыто густой шерстью. Оно обладает такой колоссальной силой, что вековой дуб для него – все равно, что малая щепка...

– Неужто настолько сильный? – подивился Стольников.

– Настоящий асилок, о таких в сказках и народных преданиях рассказывают... – ответил Дубов.

Москвич нервно постучал по столу карандашом.

– Вы не могли бы его нарисовать?.. – попросил мужчина.

Дубов в удивлении вздернул брови.

– Нарисовать?

– Да.

– Не знаю... Я в этом деле не мастак...

– И все же – попробуйте. Вот вам лист бумаги, карандаш, нарисуйте, как сможете...

«Вот тебе на... – растерялся Петр. – Как я это сделаю? Ладно, попробую, может, получится...» Дубов взял каран-

даш и сделал набросок.

– Приблизительно так... – закончив рисовать, сказал он чекисту и протянул рисунок.

– Посмотрим... – оживился Стольников и стал внимательно рассматривать изображение. – Что ж, неплохо, сравним с другими рисунками... – чекист достал из внутреннего кармана пиджака несколько листков бумаги и положил их рядом с рисунком Дубова. – Поразительное сходство... – удивился москвич. – Фактически одно и то же, не считая незначительных деталей...

Стольников еще раз внимательно рассмотрел рисунки, после чего поинтересовался:

– Какие-нибудь особые ощущения, связанные с появлением этого существа, у вас были?

– Нет... – ответил Петр. – Мы такого натерпелись, что все мысли были только об одном – поскорее вернуться домой.

– Конечно, – кивнул москвич, – и все же постарайтесь вспомнить, может, этому предшествовало что-нибудь необычное...

Дубов напряг память и покачал головой:

– Ничего особого я не припомню, удивило только, что Буйан остановился на том же месте, где мы утром убили волчицу, видимо, почувствовал присутствие лесного человека.

– Благодарю, – ответил Стольников, – а теперь я хотел бы, чтоб вы показали нам, где это было.

Дубов чуть не обмер...

– Показать вам это место? Ни в жизнь...

– И все же выезд на местность мог бы дать нашему следствию весьма важный материал... – произнес чекист.

«О чем он говорит?.. – недоумевал Петр. – Не нравится мне это, скользкий тип, все расспрашивает да допытывается, словно я на Лубянке. Тьфу, только этого не хватало...» Председатель исподлобья глянул на москвича и, стараясь скрыть свое волнение, поинтересовался:

– Отказаться можно?

Стольников недовольно глянул на мужчину:

– Можно, но не советую...

– Почему?

– Потому что подобное поведение может быть расценено как нежелание оказывать содействие следствию.

Дубов понял, что его предположения относительно приезда москвича подтвердились.

– Ясно... – поникшим голосом произнес мужчина. – Когда нужно ехать?

– Сейчас, – закрыв планшет, ответил чекист.

Петр растерялся... «Надо предупредить Василия, чтоб молчал насчет винтовки...» – занервничал мужчина, после чего встал из-за стола и многозначительно посмотрел на Николайчука.

– Поедемте, – ответил он чекисту, – только прежде я дам указание своему помощнику. Хозяйство, понимаете ли, ответственность...

– Думаю, ваш коллега все понял, – сняв пальто с вешалки, произнес Стольников.

– Я не могу уехать, ничего не сказав, – ответил Дубов, – могут прийти люди, будут интересоваться: где я, скоро ли вернусь... Человеку надо знать, что отвечать...

Чекист глянул на Gladkova.

– Это так? – поинтересовался мужчина.

– Да... – кивнул председатель райисполкома.

– Хорошо, давайте указания, только – ничего лишнего...

– Не маленький, понимаю, – хмуро произнес Петр.

– Быстрее, рано темнеет, надо успеть побывать на месте засветло... – бросил чекист.

Дубов вошел в смежную комнату и, обращаясь к Илье, произнес:

– Мне с товарищами надо отъехать... Скажи Василию, чтоб забыл о подарке, который вез свояченице в город... – Петр незаметно подмигнул старику.

Илья в изумлении посмотрел на председателя.

– Хорошо... – кивнул секретарь.

– Увидишь мою жену – скажи, что велел кланяться...

– Передам.

– Пора... – поторопил главу колхоза Стольников.

– Бывай!.. – глянув на Илью, вздохнул Дубов и вышел из комнаты.

ГЛАВА 57

«НУ И ДЕЛА... – опешил Илья. – Куда они его повезли? Надо искать Василия и передать ему слова Дубова, может, поймет, что он имел в виду...» Николайчук снял с вешалки тулуп и собрался выйти, в этот момент раздался телефонный звонок.

– Вечно не ко времени... – буркнул мужчина. – Надо ответить, вдруг – из района...

Илья подошел к столу и снял телефонную трубку, предположения мужчины оправдались – звонил инструктор райисполкома.

– Але! – откашлявшись, произнес Илья. – Здравствуйте, товарищ Жалейко! Только что уехали... Знаю ли я Ивана Варенкова? Конечно... Ранен? Когда это случилось? В больнице? Понял, передам, не беспокойтесь, прямо сейчас схожу, до свидания...

Мужчина повесил телефонную трубку и вытер ладонью пот на лбу.

– Ну и дела... – в растерянности произнес Илья. – Час от часу не легче... Такого парня чуть не убили... Знал бы, у кого рука поднялась – собственными бы придушил. Куда мне бежать – к Василию или к Варенковым? Хоть бы в контору кто зашел... То идут один за другим весь день, то никого нет...»

Старик на секунду задумался и решил сходить на конюшню, а на обратном пути заглянуть к Варенковым. Размышления секретаря прервал стук входной двери, мужчина вздрогнул и увидел, что в избу вошел Василий.

– На ловца и зверь бежит... – обрадовался Илья. – Хорошо, что зашел, я собирался тебя искать...

Василий снял ушанку, расстегнул полы кавалерийского тулупа, сел на лавку у окна и поинтересовался:

– Что нового?

– Приезжал Гладков и с ним какой-то тип...

– Кто таков?

– Чекист из столицы.

– Ого! Что за нужда его к нам привела?

– Толком я ничего не понял, слышал, что расспрашивал Дубова о лесном человеке, просил нарисовать его и тебя в разговоре упоминал...

Василий занервничал:

– Дознались... А где Дубов?

– Увезли, сказали, что для следственного эксперимента.

– Увезли?..

– Да.

– Плохи дела, значит, и за мной придут...

– Дубов просил передать, чтоб ты забыл о подарке, который вез свояченице в город.

Конюх в недоумении посмотрел на секретаря:

– Не вез я никакого подарка...

– Не вез?.. – удивился Илья.

– Нет.

– Тогда думай, что Дубов хотел этим сказать.

– Ума не приложу, может, он еще что упоминал?.. – поинтересовался Василий.

– Только это.

– Н-да... – озадаченно произнес конюх. – Что он имел в виду?

– Экий ты, Василий, непонятливый, думай, что могли значить его слова.

Василий недоумевал.

– Видимо, что-то важное, если председатель обратил на это внимание, – размышлял старик.

Встав и заложив руки за спину, он прошелся по комнате.

– Может, он хотел что-нибудь скрыть?.. – высказал предположение Николайчук.

– Что там скрывать? Ехали себе и ехали... Вдруг из леса выбежала стая волков, хорошо, что у меня в санях была припрятана... – конюх осекся и испуганно глянул на Николайчука.

«Вон оно что... – смекнул старик. – Как я раньше не догадался?»

Илья заметил смятение старика, но виду не подал.

– Так что там у тебя было припрятано?.. – поинтересовался мужчина.

– Лопата, – лукавил конюх, – думал, в дороге пригодится,

видимо, ее Дубов и имел в виду.

– Лопату?

– Да, мы потом этой лопатой так ловко от серых отбивались, что если б не она – не знаю, что было бы...

Илья подозрительно глянул на конюха. «Темнит старина... – подумал мужчина. – Как они могли лопатой отбиться от стаи волков? Видимо, Дубов имел в виду что-то другое... Может, у них была винтовка? Это меняет дело, нельзя, чтоб чекист узнал об этом...»

Секретарь украдкой глянул на конюха:

– Вот что, Василий, отвези меня к Варенковым, а сам спрячь свою лопату так, чтоб ее ни одна собака не отрыла, – посоветовал мужчина.

«Надо же, какой сообразительный...» – подумал конюх.

– Так, говоришь, подбросить тебя к Варенковым? – вслух произнес мужчина. – Можно... Зачем?

Илья оперся руками о крышку письменного стола, подался корпусом вперед и тихо произнес:

– Незадолго до твоего прихода звонили из района, сказали, что Ивана Варенкова доставили в больницу с ножевым ранением в спину...

– Мать честная!.. – всплеснул руками Василий. – Живой?

– Товарищ Жалейко сказал, что операция прошла успешно, но пока парень без сознания.

– Ну и дела... – в потрясении произнес конюх. – Что за напасть свалилась на нашу деревню? Войны нет, а раненых уже

двое...

– Что за жизнь? – вздохнул Илья. – Как мне с таким известием ехать к Варенковым?

– Не завидую тебе, – покачал головой конюх, – принести родным такое известие... Ладно, поехали, каждая минута дорога...

Илья надел тулуп и пошел к двери.

– Пошли, – кивнул он Василию.

Мужчины закрыли контору и вышли на улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.